

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
по уголовному делу № 1-23/10

26 августа 2010 года – 10 часов 00 минут.

Судебное заседание продолжено.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – явился.

Защитник Левина Е.Л. – явилась.

Защитник Москаленко К.А. – не явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – не явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – не явился.

Защитник Краснов В.Н. – явился.

Защитник Купрейченко С.В. – явился.

Защитник Липцер Е.Л. – не явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – явился.

Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б. – явилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.

Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.

Потерпевший Демченко В.М. – не явился.

Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.

Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.

Свидетель Гильманов Т.Р. – явился.

Остальные свидетели не явились.

Участники процесса надлежащим образом уведомлены о месте и времени проведения судебного заседания, суд не располагает сведениями о причинах их неявки.

Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.
 Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.
 Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.
 Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.
 Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.
 Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.
 Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.
 Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.
 Защитник Ривкин К.Е.: Ваша честь, в связи с тем, что в зал судебного заседания явился свидетель, мы просили бы сегодня начать с того, чтобы предоставить нам возможность его допросить, а потом Платон Леонидович продолжит. Мы просим пригласить в зал судебного заседания, допросить в качестве свидетеля Гильманова Тагирзяна Рахимзяновича, он ранее возглавлял одно из дочерних предприятий «ЮКОСа» «Юганскнефтегаз», в связи с чем у нас появился к нему ряд вопросов.
 Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.
 Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.
 Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.
 Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.
 Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.
 Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.
 Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.
 Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.
 Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Ривкина К.Е. удовлетворить, допросить свидетеля Гильманова Т.Р.

Свидетель Гильманов Т.Р. приглашен в зал судебного заседания.

Допрос свидетеля Гильманова Т.Р.

Свидетель Гильманов Тагирзян Рахимзянович, 13 сентября 1951 года, уроженец д. Новая Казань Тюменской области, работаю в «Газпромнефть-Нефтесервис», замдиректора по маркетингу и развитию, зарегистрирован по адресу: г. Москва, ул. Хачатуряна, дом 12, корпус 3, квартира 193.

Свидетель Гильманов Т.Р.: чувства неприязни к подсудимым не испытываю, причин для оговора нет.

Председательствующий разъясняет свидетелю его права в судебном разбирательстве, предусмотренные ст. 56 УПК РФ, положение ст. 51 Конституции РФ.

Свидетель предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу и в случае его последующего отказа от этих показаний.

Председательствующий предупреждает свидетеля об ответственности по ст. ст. 307, 308 УК РФ, а также разъясняет примечание к ст. 307 УК РФ.

Свидетель Гильманов Т.Р.: права понятны.

Защитник Мирошниченко А.Е.: вопросы в основном будут касаться периода с 1998 по 2003 годы. Если я специально не оговорю период, то имейте в виду, что именно об этом периоде идет речь. Итак, первый вопрос. Имеются ли какие-либо обстоятельства – зависимость, иная заинтересованность, обида, страх, препятствующие Вашим объективным и полным ответам на вопросы, которые будут Вам заданы?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет таких обстоятельств.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вы с Михаилом Борисовичем Ходорковским знакомы?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а с Платоном Леонидовичем Лебедевым?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: в качестве кого Вы их знаете?

Свидетель Гильманов Т.Р.: как руководителей, моих руководителей, руководителей компании «ЮКОС».

Защитник Мирошниченко А.Е.: а подробно по каждому, давайте разделим одного и второго.

Свидетель Гильманов Т.Р.: Михаил Борисович руководил компанией «ЮКОС», был моим руководителем в плане решения перспективных задач, мы системно, периодически, раз в месяц встречались и обсуждали все вопросы Нефтеюганского региона, и эти контакты были постоянными. А Платон Леонидович был на первом этапе вхождения группы «Менатеп», это они приехали всей командой в 1997 году, в 1998 году, а в дальнейшем Платон Леонидович уже не участвовал в делах непосредственно подразделения «Юганскнефтегаз», и я его практически не видел в последующие годы, и знал, что он является одним из руководителей компании «ЮКОС».

Защитник Мирошниченко А.Е.: после 1998 года Вы стали одним из руководителей?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, я говорю, что после 1998 года он уже практически не участвовал, и я с ним не встречался.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а Вы в компании «ЮКОС» в этот период в качестве кого работали, на каких должностях? 1998-2003.

Свидетель Гильманов Т.Р.: в июне 1998 года я был назначен руководителем «Юганскнефтегаза» в статусе генерального директора, и по май месяц 2003 года я руководил этим предприятием.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а что являлось основным видом деятельности «Юганскнефтегаза»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: это обеспечение плановых объемов добычи нефти, соблюдение всех норм законодательства, создание благоприятного климата бизнеса входило в мои задачи. Это была основная деятельность нашего предприятия.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вам известно, кто в тот период был акционерами «Юганскнефтегаза»? Или акционерного общества «Юганскнефтегаз»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: изначально, когда шла приватизация, акционерами «Юганскнефтегаза» было производственное объединение «Юганскнефтегаз», группа «Куйбышеворгсинтез», это были 2 основные акционеры, и государство имело тоже свой пакет акций. Были основные акционеры первоначально, в стадии создания акционерного общества «Юганскнефтегаз».

Защитник Мирошниченко А.Е.: а Вы знаете, с какого периода «ЮКОС» стал единственным акционером «Юганскнефтегаза»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: думаю, что это был 2001 год.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вы уже коснулись немного этой темы, тогда попробуем поточнее. «Юганскнефтегаз» входил в состав вертикально-интегрированной компании «ЮКОС»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: изначально?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: как образовался «ЮКОС».

Свидетель Гильманов Т.Р.: да. Это были основные участники компании «ЮКОС», «Юганскнефтегаз», как добывающее подразделение, «Куйбышеворгсинтез» как подразделение по переработке. Также вошли предприятия по сбыту нефтепродуктов, это были основные акционеры, и все они входили в компанию «ЮКОС». Они и составляли основу этой компании.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а Вы можете пояснить, в чем суть вертикальной интеграции компании «ЮКОС»? И в том числе, и в аспекте взаимосвязи между добывающими предприятиями и корпоративным центром?

Свидетель Гильманов Т.Р.: создание такой структуры управления процессом добычи нефти и переработки рационально и логически правильно. Непосредственно от процесса разведки месторождений, бурения, разбуривания месторождения, организация процесса добычи, транспорта на переработку, на нефтеперерабатывающие заводы, в последующем отгрузку готовой продукции завода до нефтебаз и непосредственно до потребителей. Нефть, в чистом виде нефть не является товаром потребительским, и поэтому создание структуры, в которой бы прослеживалось все от начала и до конца, то это главная цель и главная функция вертикально-интегрированной компании.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вы членом совета директоров «Юганскнефтегаза» являлись?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: весь этот период?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, не весь период. Это было до тех пор, пока совет директоров был, и я был членом совета директоров, и принимал участие в его заседаниях.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а вот период, пока совет директоров был, можете обозначить?

Свидетель Гильманов Т.Р.: совет директоров был с самого начала создания, и это было прописано в уставе «Юганскнефтегаза» как акционерного общества. И я сначала не был членом совета директоров, я занимал там должности другого уровня. А в последующем уже, когда я был назначен генеральным директором, меня ввели в состав совета директоров, это было утверждено собранием акционеров. И это была основа моей деятельности, и периодически в соответствии со своим планом совет директоров проводил собрания, совещания, подготовку годовых собраний, отчетность, утверждение основных параметров деятельности. Это был действующий орган. Это были его основные функции.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а исполнительным органом «Юганскнефтегаза» какая организация была?

Свидетель Гильманов Т.Р.: исполнительным органом была компания «ЮКОС ЭПи». ЗАО «ЮКОС ЭПи».

Защитник Мирошниченко А.Е.: прошу представить свидетелю для обозрения том 69 л.д. 8-14 копию договора о передаче полномочий исполнительных органов от 23 сентября 1998 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Мирошниченко А.Е. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 69 л.д. 8-14 копию договора о передаче полномочий исполнительных органов от 23 сентября 1998 года.

Свидетель Гильманов Т.Р. обозревает том 69 л.д. 8-14 копию договора о передаче полномочий исполнительных органов от 23 сентября 1998 года.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Тагирзян Рахимзянович, Вам знаком этот документ?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: как бы Вы могли прокомментировать смысл этого договора? Смысл, назначение? По Вашему мнению.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я думаю, что этот договор никак существенно не повлиял с точки зрения оперативно-производственной деятельности на работу «Юганскнефтегаза», всего коллектива. Практически у меня, как у генерального директора, полномочия остались в достаточно большом объеме. Мне на основании этого договора была выдана доверенность, которая не ущемляла мои действия, были только четко ограничены мои финансовые полномочия, я помню, последняя доверенность – это миллион долларов, я мог без согласования управляющей компанией подписывать договора, я мог решать вопросы кадрового потенциала, и вопросы практически все, определенные моей должностной инструкцией. А с точки зрения целесообразности договора, я считаю, что создавалась вертикаль, которая объединяла в целом все добывающие активы компании, это «Самара», «Томск», «Юганск», и роль управляющей компании сводилась к координации, поддержке, как в правовой поддержке, так в поддержке в материально-техническом обеспечении, потому что год был очень тяжелый, трудный. И в целом добывающие подразделения самостоятельно, пожалуй, гораздо большими потерями и затратами решали бы вопросы в это время. И поэтому координация и деятельность со стороны управляющей компании сказались положительно, и поэтому мы очень напряженно, но все-таки выстояли и вышли из этого кризиса, 1998 год, кризис системный, нефтяной, и финансовый одновременно кризис. И мы чувствовали эту поддержку. Я считаю, создание такой вертикали целесообразно.

Защитник Мирошниченко А.Е.: все-таки давайте я уточню. Вы не считаете или считаете, что Вы были в связи с заключением данного договора лишены каких-либо полномочий и не являлись полноценным руководителем?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, такого не было. Практически все вопросы оперативного плана решались мною самостоятельно, решались большой командой – у меня была очень квалифицированная команда. И еще раз говорю, были ограничения только в финансовых объемах. Но, тем не менее, когда мне нужно было подписывать контракты с подрядными организациями на гораздо большие суммы, чем определенные в доверенности, мы подавали заявку, этим занималось управление делами, и практически безотказно, потому что все эти контракты, в которых я просил дополнительную доверенность на подписание, они были проговорены в бюджете, они были плановыми, и, безусловно, мы к заявке прикладывали обоснование, хорошую аналитическую записку, и я не помню какого-то отказа, чтобы мне ограничили в какой-то деятельности, это бы являлось тормозом. Конечно, были требования по эффективности проектов, по обязательным зонам ответственности с назначением руководителей проектов, существовали определенные формы такие, рамки, скажем, более эффективного ведения бизнеса, но это не являлось задержкой, препятствием ведения основной деятельности. Наоборот, это дисциплинировало.

Защитник Мирошниченко А.Е.: прошу представить свидетелю для обозрения том 67 л.д. 252-253 копию доверенности № ЮЭП-126/00 от 01 августа 2000 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.
Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.
Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.
Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.
Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.
Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.
Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.
Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.
Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Мирошниченко А.Е. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 67 л.д. 252-253 копию доверенности № ЮЭП-126/00 от 01 августа 2000 года.

Свидетель Гильманов Т.Р. обозревает том 67 л.д. 252-253 копию доверенности № ЮЭП-126/00 от 01 августа 2000 года.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вы об этой доверенности говорили либо о какой-то другой?

Свидетель Гильманов Т.Р.: практически они все были такого плана, они выдавались на год, последняя была выдана на 3 года, но именно вот в этом.

Защитник Мирошниченко А.Е.: в том числе и эта?

Свидетель Гильманов Т.Р.: в том числе и эта. Вот эта на 1 год, а были и большего срока. Да, вот такие доверенности.

Защитник Мирошниченко А.Е.: существовали ли в компании «ЮКОС» локальные нормативные акты, которыми регламентировались Ваши служебные обязанности в бизнес-процессах, в которых Вы участвовали? Как то должностные инструкции, положения, регламенты, стандарты.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, у меня была должностная инструкция. И это является основным правилом взаимоотношений с любым сотрудником, находящимся в трудовых отношениях. Тем более, я входил в группу топ-менеджеров. Были регламенты, были инструкции, но на самом деле практически все процессы, они были прописаны в этих регламентах, в которых оговаривалась зона ответственности тех или иных должностных лиц, порядок прохождения документов разного порядка, и регламенты как раз, что называется, и соответствуют процессному методу управления, который внедрялся компанией «ЮКОС» в наше подразделение, и это, в общем-то, повышало нашу эффективность, эти регламенты были.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а Вы не помните, кем утверждалась Ваша должностная инструкция? Может, не фамилию, а уровень, должность?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я думаю, утверждалось президентом «ЮКОС ЭПи», но могла быть утверждена и вполне бы, что называется, меня удовлетворило, если бы замом по кадровым вопросам. Статус подписавших и утверждавших меня удовлетворял. Мною не командовали младшие по званию.

Защитник Мирошниченко А.Е.: мы уже неоднократно касались этой темы, но давайте все-таки определим Ваши основные служебные обязанности как руководителя «Юганскнефтегаза». Перечислите самые основные.

Свидетель Гильманов Т.Р.: прежде всего я нес ответственность за создание благоприятного климата бизнеса. В круг этих обязанностей входили взаимоотношения с органами государственной власти, мы работали на территории трех регионов – Ханты-мансийский район, Нефтеюганский район и Сургутский район. Это большие районы, во главе каждого района муниципальное образование, и поэтому взаимоотношения с этими муниципальными образованиями для меня было одной из основных приоритетных задач. Также я работал с мэром города Нефтеюганска, с его администрацией города, с администрацией округа, с губернатором, с правительством округа. И эти

взаимоотношения выстраивались всегда в рамках социально-экономического партнерства. Далее входило в мои обязанности взаимоотношения с контролирующими органами. Нас контролировали порядка двенадцати организаций – и горно-технический надзор, и транспортная инспекция, и газовая инспекция, и санитарный надзор, и пожарный надзор. Поэтому эти взаимоотношения тоже ложились на меня как на ответственного за психологический климат в целом в коллективе и в бизнесе. И конечно, я отвечал за обеспечение процесса добычи нефти. Это было второй приоритетной задачей, и, пожалуйста, для меня, как человека больше оперативного, главной задачей, и обеспечить этот процесс выполнения производственных показателей, соблюдение всех правил по промышленной безопасности, экологической и так далее, вкратце это то, что я делал, и то, что входило в круг моих обязанностей.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а будучи руководителем «Юганскнефтегаза», Вы состояли в штате собственно «Юганскнефтегаза» или «ЮКОС ЭПи», управляющей компании?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я вначале был в штате и «Юганскнефтегаза», и в штате «ЮКОС ЭПи» я был после того, как перешли на единую акцию, у нас должность наша уже называлась управляющими, институт генеральных директоров был исключен, и как управляющие мы работали по доверенности. И эти перемещения были, но для меня они не были принципиальными. Я точно понимал, что я являюсь руководителем этого подразделения, и точно понимал, что управляющая компания для меня, непосредственно моим оперативным руководителем является президент ЗАО «ЮКОС ЭПи».

Защитник Мирошниченко А.Е.: у Вас вообще не возникало обоснованных сомнений в целесообразности существования и функционирования управляющей компании «ЮКОС ЭПи»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, я уже сказал об этом, это было разумно, это было полезно, это было эффективно. Потому что концентрация ресурсов в целом по компании, включая три добывающих региона, это было важно. Мы иногда обменивались и материальными ресурсами: были дефицитные позиции, такие как редкие задвижки, были дефицитные позиции как лабораторное оборудование, потребность в которых возникала в той или другой ситуации. При отсутствии у нас, при единой базе данных мы могли это получить из другого региона, и мы также делились с другими регионами. Это была единая команда по добыче нефти. Это было первое. Также кадровые перемещения. Мы, безусловно, изучали опыт и «Самаранефтегаза», и «Томскнефти», и какие-то лучшие практики мы переносили на себя, и также они, и шло такое поступательное развитие, и это давало положительный эффект. И концентрация этих усилий, и даже то, что мы ежемесячно собирались и отчитывались все вместе, и мы слушали отчет самарской команды, томской команды, и мы понимали, какие требования. Потому что иногда возникает такое чувство, что с нас требуют больше, чем с других. Но мы, когда слышали, как разговаривали и работали, и как ставили вопросы, и как решались, мы видели, что равное отношение, равноотдаленное отношение, идет ко всем добывающим подразделениям. Безусловно, внимание к нам было больше – мы добывали более 65% всей добычи. Мы добывали в 2003 году, я ушел, 50 миллионов добычи. Это крупнейшее подразделение России. В целом, из локальных добывающих регионов это было одно из крупнейших. Безусловно, было большее внимание, и финансировали нас более активнее, потому что это было эффективно. Но в целом такой как бы общий регламент, общий подход был равный. И я считаю, что работа этой компании, она была целесообразна, и эффективна, и полезна.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а кроме «ЮКОС ЭПи» у «Юганскнефтегаза» в тот период, о котором мы говорим, был другой исполнительный орган?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет. Я не понимаю, как может быть другой? Есть руководитель со своей командой, аппаратом управления, есть управляющая компания, и все. Я понимал, что «ЮКОС», еще «ЮКОС Москва», где были такие подразделения как правовое, финансовое, где в целом, как бы, компания, что называется, была центром прибыли, но прямых отношений, оперативных отношений мы не имели. Мы работали с «ЮКОС ЭПи».

Защитник Мирошниченко А.Е.: Тагирзян Рахимзянович, я заранее оговорился, что некоторые вопросы могут показаться Вам странными. Продолжение этого странного вопроса. Можно ли говорить так, что решения, принимаемые «ЮКОС ЭПи» в отношении «Юганскнефтегаза», не являлись решениями самого «Юганскнефтегаза»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я бы так не сказал. Потому что управляющая компания никогда не строила так, что она декларативно, в приказном порядке, «сделать это» или «выполнить это», прежде чем выйти на какой-то проект, прежде чем как-то изменить направление деятельности или какое-то значимое событие, прежде всего мы его готовили «внизу». Мы предоставляли расчеты и технологического плана, чисто инженерные расчеты, мы представляли экономику, эффективность, безусловно, какие-то шли корректировки, потому что в управляющей компании были собраны наиболее профессиональные нефтяники, и там даже представители нашего региона были, и мы им доверяли. Но сказать, что к нам приходили решения, которые для нас были неожиданными, и которые нами не воспринимались, практически я таких случаев не помню. Я не помню. И потом, не приходили с «ЮКОСа ЭПи» приказы или распоряжения. Приходили письма такого плана – «Вам необходимо предоставить», «Вам необходимо рассмотреть», «Вам необходимо это». Не было таких документов, которые бы носили такой распорядительный, категорический порядок. Управляющая компания, я думаю, что действовала по какому-то другому принципу, который, в принципе, нас устраивал и не вызывал какого-то отторжения. Но все подготовительные варианты всегда готовились «снизу», всегда готовились «снизу». Конечно, были дискуссии, конечно, мы ставили как-то вопросы, чтобы меньшими усилиями, большими затратами, но в рамках единого такого подхода были корректировки, но всегда находили общий язык, и окончательное решение потом не подвергалось сомнению, вставало на контроль, и мы отвечали за исполнение этих решений.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Тагирзян Рахимзянович, как у руководителя «Юганскнефтегаза», у Вас в компании «ЮКОС» были вышестоящие руководители?

Свидетель Гильманов Т.Р.: у меня?

Защитник Мирошниченко А.Е.: да.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, президент «ЮКОС ЭПи» – это мой был руководитель.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а фамилия его как была?

Свидетель Гильманов Т.Р.: был Казаков Виктор Алексеевич один период, а потом был Бейлин Юрий Аркадьевич. Кроме этих людей никто не руководил руководителями региона.

Защитник Мирошниченко А.Е.: как Вы считаете, названные Вами лица – это были реальные руководители или настоящим руководителем был кто-то другой?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, это были реальные руководители. Виктор Алексеевич был опытный нефтяник, прошедший хорошую школу, и поэтому общение с ним всегда давало какой-то положительный эффект. А Юрий Аркадьевич не был нефтяником, но был очень высокого уровня системщик, очень четко сразу разобрался во всех процессах, не до деталей, но принципиально он понимал взаимосвязи по всей цепочке добычи. И вывод всех процессов добычи нефти на эффективность – это то, что новое принесла команда группы «Менатеп». Я должен сказать, что мы до этого добывали, потому что надо было добывать, и нам ставили задания с Министерства, с главка. А в этот раз мы добывали, но при этом понимали, что не любой ценой, нефть должна быть добыта определенной стоимости операционных затрат и при определенной эффективности. И в этом был, что называется, такой качественный толчок целой нефтяной отрасли, когда вертикально-интегрированные компании были созданы. И тогда пошла добыча, что называется, с расчетом на эффективность. И это было главной целью, задачей управляющей компании. Нет, он был реальным руководителем, Юрий Аркадьевич был реальный, пользовался уважением, и его, как бы, распоряжения, указания, его решения, конечно, дискуссии были, но не подвергались сомнению. Это реальный руководитель.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не могли бы Вы перечислить своих заместителей, финансовых директоров и главного бухгалтера «Юганскнефтегаза», кто с Вами работал в тот же период?

Свидетель Гильманов Т.Р.: главные бухгалтера, сначала, в первый период была Марочкина Елена, когда я уходил в 2003 году, была главный бухгалтер Ияшенко Надежда, и еще после Марочкиной была Базильская. Три главных бухгалтера. Главными инженерами у меня были Ножин Владимир Матвеевич, он сейчас генерал в Самаре, Пальцев Владимир Александрович, он в «Томскнефти», Аржанов Михаил Феликсович, вот были 3 главных инженера. Основные, на кого я опирался. Безусловно, были замы и по капстроительству, и по обеспечению производства. Но главные инженеры и главные бухгалтера вот эти.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а финансовые директоры?

Свидетель Гильманов Т.Р.: финансовым директором была сначала Слюсарева Людмила, потом был Павлов Вячеслав, два финансовых директора, которые были во время моей работы.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а Яковлева Вы застали?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, Яковлев пришел после моего ухода, он работал с Кузнецовым.

Защитник Мирошниченко А.Е.: перейдем к следующему вопросу. Существовали ли у «Юганскнефтегаза» годовые и ежемесячные планы работ? Да или нет.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: кем и как они готовились, кто их утверждал?

Свидетель Гильманов Т.Р.: основой деятельности был годовой бюджет. Годовой бюджет, параметры, входные параметры на бюджет обычно обсуждались как раз в этот период – август, сентябрь. Входные параметры, туда входили планируемая и ожидаемая цена нефти, туда входил курс доллара, и туда входили показатели по компаниям-монополиям – ожидаемый рост цены по электроэнергии, по теплоэнергии, по ГСМ. И это были входные параметры, и, конечно, доводилась цифра, что называется, ожидаемая, плановая, на следующий год. После этого готовились расчеты, обоснования с точки зрения добычи, по каждому месторождению отдельно, по каждому блоку отдельно. И когда все расчеты по добыче как-то уже сводились в единый расчет, он, этот расчет, защищался в управлении добычи компании управляющей. Защиты было несколько этапов, и дискуссии были достаточно, скажем, такими активными, и после определения объемов добычи, уже на основе экономических параметров мы считали план затрат. Мы считали план затрат, в плане затрат мы оговаривали все, что было необходимо для производственной деятельности – зарплаты, электроэнергия, материалы, все-все. Кроме этого, рассматривался план капитальных вложений. Этот период мы достаточно интенсивно развивались, прирост добычи составлял на уровне 16-18 процентов ежегодно. Это требовало больших капитальных затрат. И капитальные затраты рассматривались с точки зрения объемов бурения, обустройства месторождений. Мы вкладывали туда, в строительство газопроводов, нефтепроводов, линий электропередач, новых резервуарных парков. Рассматривались планы и отдельными проектами выводились из планов капитальных вложений освоение новых месторождений – Приобского месторождения, Приразломного месторождения. Все это сводилось в единый бюджет, про это весь период – октябрь, ноябрь, и где-то, наверное, уже в декабре месяце мы выходили на финальную стадию, приходили ко всем основным параметрам, этот бюджет потом утверждался, этот бюджет утверждался. И более того, основные параметры бюджета, и особенно по капитальным вложениям, заслушивался на совете директоров «Юганскнефтегаза». И совет директоров принимал решение рекомендовать и утверждал этот бюджет. И, безусловно, в этом бюджете еще были такие статьи как социальная программа, социальный пакет сотрудников, куда входила обязательная финансовая составляющая коллективного договора. И финансовая составляющая коллективного договора требовала тоже одобрения, и поскольку коллективный договор был защищенной статьей в нашем

бюджете, и поэтому без подтверждения бюджетной прописи это было бы невозможно. После этого бюджет утверждался, он становился законом. На основе этого бюджета шла разбивка поквартально, ежемесячно. И уже на основе этого бюджета составлялся финансовый план платежей, и, естественно, производственная программа. И по итогам каждого месяца, как я говорил, Юрий Аркадьевич проводил заслушивание и отчет за каждый отчетный период. Вот такая система планирования и формирования, что и служило базой нашей деятельности, существовала в нашем предприятии.

Защитник Мирошниченко А.Е.: прошу огласить представить свидетелю для обозрения том 88 л.д. 232-233 копию исполнительного баланса нефти по ОАО «НК «ЮКОС», добытой ОАО «Юганскнефтегаз» за январь месяц 2002 года, от 04 февраля 2002 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Мирошниченко А.Е. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 88 л.д. 232-233 копию исполнительного баланса нефти по ОАО «НК «ЮКОС», добытой ОАО «Юганскнефтегаз» за январь месяц 2002 года, от 04 февраля 2002 года.

Защитник Мирошниченко А.Е. оглашает том 88 л.д. 232-233 копию исполнительного баланса нефти по ОАО «НК «ЮКОС», добытой ОАО «Юганскнефтегаз» за январь месяц 2002 года, от 04 февраля 2002 года.

Свидетель Гильманов Т.Р. обозревает том 88 л.д. 232-233 копию исполнительного баланса нефти по ОАО «НК «ЮКОС», добытой ОАО «Юганскнефтегаз» за январь месяц 2002 года, от 04 февраля 2002 года.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вам вообще известны подобные документы, которые ежемесячно составлялись?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, по исполнительному балансу нефти мне известно.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а суть и назначение этих документов, что Вы можете об этом сказать?

Свидетель Гильманов Т.Р.: на первое число каждого месяца в два часа ночи производится замер всех резервуаров, которые есть в наличии у «Юганскнефтегаза» на каждом товарном парке (у нас было 3 товарных парка) и определяются технологические остатки. «Мертвые» остатки, они определяются по формуле, это есть в паспорте каждого резервуара для хранения нефти. Кроме этого, на первое число производится расчет наличия нефти в трубопроводах. Мы знаем длину, мы знаем диаметр трубопроводов, мы знаем вязкость нефти, мы знаем процентное содержание воды. Определяются остатки в трубопроводе. Исходя из этого и составлялся баланс. Также на два часа ночи закрывается сдача нефти. Она закрывается каждые сутки, но на первое число она закрывается и вкладывается в этот баланс. После этого составляется баланс, в котором определяется добыча, потери, откачка нефти, наличие, в том числе технологическая, «мертвая», в трубопроводах. Такой баланс составляется, и он утверждается главным инженером, и он является основанием в дальнейшем для того, чтобы бухгалтерия на основании этого

документа произвела уже бухгалтерский баланс, для того чтобы посмотреть выручку, и посмотреть основную реализацию и прочую реализацию, потому что отпуск сторонним организациям, он был незначительный, это только на топливо шел котельным, но практически потом это прекратилось, перевели на газ, но еще в некоторых регионах было. Такие балансы составлялись, и такие балансы утверждались ежемесячно.

Защитник Мирошниченко А.Е.: я правильно Вас понимаю, что содержание этих исполнительных балансов, оно соответствовало фактическому движению нефти?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно. Скажу, что по этим документам, которые мне представлены, для меня здесь конкретизирован «передано нефти «Ратибору». Я этого документа не видел, вижу его сегодня. Но до этого просто была сдача в систему «Транснефти». Была общая строка – «Сдача в систему «Транснефти», а распределения по потребителям в тех документах, которые я видел, там не было. Поэтому здесь конкретно назван потребитель, который получил эту нефть, я этого не видел. А в целом балансы такие составлялись, и они были действительны, более того, в обязанность главного бухгалтера вписывалось, что он имеет право на любую дату, на любое первое число любого месяца, а на 01 января это делалось обязательно, бухгалтерские комиссии проезжали по всем резервуарным паркам и вместе участвовали в замере резервуаров, и вместе составляли баланс остатков нефти, и поэтому этот баланс велся достаточно четко и жестко. По поводу откачки, эту цифру проверяли непосредственно работниками «Транснефти». На каждом товарном парке существуют непосредственно представители «Транснефти», которые ведут записи, они состоят в трудовых отношениях непосредственно с «Транснефтью» и независимы от нас, и более того, хранятся арбитражные пробы, есть специальная инструкция по хранению арбитражных проб. Более того, эти представители контролируют прием по качеству, какой группе соответствует. Если некондиция, то отказывается в приеме нефти. Поэтому эти документы соответствуют действительности и имеют достаточно такой строгий контроль и ведение.

Защитник Мирошниченко А.Е.: я попросил бы просто сейчас Вас прокомментировать некоторые графы баланса, которые я называл. То есть, такое, в принципе. Есть такая графа «технологические потери».

Свидетель Гильманов Т.Р.: технологические потери устанавливаются министерством, разрабатываются отраслевым институтом. Технологические потери, которые допускаются при транспортировке непосредственно от объекта добычи, а это в радиусе примерно до ста километров, товарная партия находится от промыслов, и в процессе этой транспортировки допускается потеря, прежде всего на ДНС, на дожимных насосных станциях. Мы не исключаем какие-то повреждения трубопроводов, ремонтные работы. Разработки отраслевой институт, у нас был договор с «СибНИИ НП», это в городе Тюмени, они готовили обоснование, мы с этим обоснованием защищали эти нормативы в министерстве, и это являлось основой для формирования баланса. То же самое, значит, в процессе подготовки такие же технологические потери, и они являлись, как бы, основой для ведения баланса, и каждый год пересматривались в зависимости от условий, потому что разные месторождения имеют разные условия и разные технологические схемы подготовки нефти. Поэтому здесь как-то все было четко регламентировано и всем понятно.

Защитник Мирошниченко А.Е.: графа «Получение нефти от ООО «Ратибор», есть такая. Зачем нефтедобывающему предприятию от кого-то получать нефть? Обывательский вопрос.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я не могу прокомментировать это, потому что я эти записи, что здесь существует, непосредственно фигурирует кто-то, кому мы передавали, а те документы, которые я видел и которые вел, когда я работал замом по подготовке, а этой было, как бы, основной моей функцией, формировать балансы, всегда стояла одна строка – «Сдача нефти в систему «Транснефть». Без расшифровки по каким-то конкретным структурам и организациям. Я не могу прокомментировать, что это означает.

Защитник Мирошниченко А.Е.: на втором листе, именно от ООО «Ратибор».

Свидетель Гильманов Т.Р.: я не могу прокомментировать это.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а сдача нефти, это имеется в виду сдача в систему «Транснефть»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: в систему «Транснефти», потому что это являлось той цифрой, которая не подвергается сомнению. Это ведется на коммерческих узлах учета с классом точности 0,15 во втором знаке, и это всегда присутствует вторая сторона, которая принимает. Это и лабораторный анализ, это и метрологическая служба «Транснефти», а метрологическая служба «Транснефти» – это самая квалифицированная служба, они покупают, и они считают, что называется, до второго, до третьего знака. И эта цифра, она являлась, как бы, базовой и наиболее, скажем, такой подтвержденной и бесспорной.

Защитник Мирошниченко А.Е.: покрывались ли затраты на добычу нефти ценами, по которым «Юганскнефтегаз» продавал нефть?

Свидетель Гильманов Т.Р.: безусловно, покрывались, потому что, прежде всего, нужно было профинансировать все операционные затраты. Это налоги, первая самая была такая, первая статья по объему, вторая была энергетика, третья была заработная плата. Защищенные статьи. Эти защищенные статьи, даже во времена кризиса мы платили, что называется, с максимальной возможностью. Дальше шли материалы, дальше шли связь, транспорт. Калькуляцию затрат перечислять не буду. Покрывались полностью. Более того, я получал деньги еще для покрытия финансовой составляющей коллективного договора, о чем я говорил. И это уже исходило из прибыли, источником финансирования коллективного договора является прибыль, и у меня формировалась прибыль для финансирования этого. Кроме того, я получал деньги на капитальные вложения, я получал очень серьезные деньги на капитальные вложения, я могу сказать, что это было миллиардные цифры, десятки миллиардов. И обеспечение финансирования строительства трубопроводов, площадных объектов, газопроводов тоже покрывалось этими платежами. Покрывалось. Я получал все необходимые финансовые ресурсы, и поэтому функционирование, денег как всегда не хватает, но это было утверждено в бюджете. Если мы добывали больше нефти, перевыполняли план, нам дополнительно платили, даже сверх бюджета. Но если мы не выполняли план – нас урезали, потому что мы недополучали нефть, и мы уже начинали думать над тем, как выполнить программу, снижая свои операционные затраты, это финансовая дисциплина.

Защитник Мирошниченко А.Е.: я так понимаю, что от реализации нефти «Юганскнефтегаз» получал прибыль?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно.

Защитник Мирошниченко А.Е.: весь этот период, о котором Вы говорили.

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно. Получали, прибыль получали, деньги получали. А как же мы работали-то? Я могу это убрать?

Защитник Мирошниченко А.Е.: я хочу сразу оговориться, Тагирзян Рахимзянович, настоящее дело, которое здесь рассматривается – оно не о каких-либо налоговых нарушениях, а совсем о другом. Но некоторые налоговые аспекты мы все-таки выясняем. В связи с этим такой вопрос. Известно ли Вам что-либо о судебных решениях, признававших налогооблагаемые доходы «Юганскнефтегаза» от реализации нефти?

Свидетель Гильманов Т.Р.: претензии такие были. Если говорить о наших взаимоотношениях с налоговой инспекцией, то постоянные проверки проходили в «Юганскнефтегазе». Практически у меня был выделен кабинет для них. Не так, чтобы они пришли или сидели где-то там сбоку или в коридоре, специальный был кабинет, потому что мы понимали, что это кропотливая, тщательная работа, проверка всех документов, и такое рабочее место по просьбе руководства налоговой инспекции было выделено. Им предоставлялись все документы, они проводили проверки. По каким-то вопросам, по каким-то операциям они выставляли претензии, претензии эти рассматривались в рабочем порядке. Если не решались в рабочем порядке, выносились на арбитражные решения. Решения арбитражных судов были разного плана. Где-то были мы правы, где-то была права налоговая инспекция. Это была текущая оперативная работа. Но постоянное

присутствие налоговой инспекции в нашем предприятии – это было практически нормой, и мы даже привыкли к этому.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вы уже касались темы финансирования со стороны материнской компании, капитальных вложений, но давайте немного даже повторимся, более конкретные вопросы задам. Получал ли «Юганскнефтегаз» денежные средства в виде кредитов, займов целевого финансирования от ОАО «ЮКОС» или его аффилированных лиц?

Свидетель Гильманов Т.Р.: в моей практике этого не было. Доходной части бюджета и выручки хватало, чтобы покрыть финансирование всей производственной деятельности, капитальные вложения. Необходимости привлечения кредитов я не помню. И, что называется, даже во времена кризиса, когда явно не хватало в виду низкой цены нефти, просто кредиты были сумасшедшие по процентам, и поэтому взятие кредитов, это означало просто закрыть баланс, как, обанкротиться. Поэтому мы, что называется, зажимали пояса, но выходили без кредитов. В моей практике займы, кредиты я не получал ни от компании, ни от банков. И более того, у меня в доверенности стояла такая запись, что я не имею права взять какие-либо кредиты без согласования компании. У меня это стояло, такое ограничение, и я думаю, оно было разумным. Нам хватало нашей выручки. Но за исключением, конечно, периода кризиса, когда не хватало никому, и затраты не покрывались. Но тогда и создались долги, тогда и создались проблемы с нашими поставщиками, кредиторская задолженность. Но уже к 2001 году мы всем рассчитались, и у меня, как бы, все было закрыто. Мы расчистили баланс и рассчитались со всеми к 2001 году.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а вообще со стороны «ЮКОСа» в отношении «Юганскнефтегаза» какое-то финансирование было?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я получал деньги за нефть, выручку свою. Был финансовый план, был план платежей, и в соответствии с этим планом я получал выручку. Я даже не знаю, чтобы были задержки. Может, они были, оперативного плана, 2-3 дня, но это был, как бы, не мой уровень, и никогда финансовое подразделение не ставило вопрос, что не приходят деньги. Я получал деньги, как выручка моя.

Защитник Мирошниченко А.Е.: как-то, может, попробуете разграничить покрытие операционных затрат, себестоимости, ценами по договорам, и капитальные затраты? То есть целевое финансирование сверх этого.

Свидетель Гильманов Т.Р.: операционные затраты – это один из показателей эффективности работы любой компании. Можно добывать нефть, но при этом не быть эффективными. Поэтому стояла конкретная цифра. Сейчас на память не помню, но такого параметра – 1,8 доллара за баррель. Эта цифра достаточно жестко контролировалась. Поэтому это, что называется, дисциплинированно жить в рамках этой цифры. И если мы добывали нефть и при этом росли, как я уже сказал, в объеме 10-12 процентов, и при этом мы вкладывали, что нефть должна стоить столько, а не любой ценой, тогда считалось, что мы успешно выполнили свою задачу. Это у меня стояло в ключевых показателях моей эффективности, значит, выполнение вот этих затрат. Но то, что было записано, это мне приходило полным рублем, и я должен был уложиться в эти затраты. Вот это и были затраты. А понятие себестоимости, она имеет инструкцию, и это очень жестко контролируется налоговой инспекцией. Изменение структуры себестоимости недопустимо, потому что это является основой для налогооблагаемой базы. И они жестко контролируют. Если, например, я извиняюсь, я заключил договор с каким-то институтом, на какую-то исследовательскую работу, то даже были дискуссии, является ли это операционными затратами, или должен быть другой источник из прибыли. И если мы могли доказать, что это является необходимым для производственного процесса, тогда налоговая инспекция признавала это и включала. Поэтому формирование себестоимости и затрат не являлось вольным трактованием, это инструкция, которая контролируется инспектирующими органами. И поэтому здесь каких-то вопросов не возникало. Мы можем дороже, больше тратить. Но по отнесению к затратам, это всегда по инструкции. В

законе о бухучете это четко регулируется. А по поводу финансирования целевого, источником капитальных вложений является или амортизация, это мой источник, который формируется у меня на основе использования, эксплуатации основных фондов, или моя прибыль, которая потом направляется ко мне как капитальные вложения или заемные средства. А я уже говорил, что заемных не было, и они ко мне приходили, но, безусловно, они приходили под определенным именем, и я не мог перенести на операционные, это было совершенно понятно, это входит в правила финансовой дисциплины. Капексы только на капексы, опексы только на опексы. Капексы – это капитальные вложения, опексы – это операционные затраты. И я, даже имея экономию по одной статье, я не мог перенести в другую. Я не мог. Потому что вот это и есть тот порядок, который должен быть.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Тагирзян Рахимзянович, а Вам известен такой термин «скважинная жидкость»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: что он обозначает?

Свидетель Гильманов Т.Р.: прежде всего, на самом деле, со скважины выходит жидкость. У меня средняя обводненность по месторождениям была на уровне 65%. Значит, из каждой тонны добытой жидкости 65% составляет вода. Газовый фактор – он у меня составлял примерно от 58 до 62. Значит, в каждый тонне поднятой нефти 68 кубометров газа, попутного нефтяного газа. Безусловно, в таком виде нефть не является товарной, безусловно, ее нужно довести до кондиции. Воду мы сбрасывали на установках предварительного сброса на месторождениях или на первой стадии подготовки на товарных парках. Товарными парками я называю предприятия и центры подготовки, промысловой подготовки нефти до сдачи в «Транснефть». Вот такой термин «товарные парки». И, безусловно, нужно было заниматься сепарацией газа, надо было газ отделить, потому что сдача нефти осуществляется по строгим ГОСТ, ГОСТ соответствующий – нефть для нефтеперерабатывающих заводов. И контроль за этим качеством ведется со стороны «Транснефти». Для чего был введен термин «скважинная жидкость», прежде всего, что когда во время кризиса мы не могли покрыть затраты всей своей выручкой, поскольку выручка была минимальна, 9 долларов за баррель мы получали, стоимость нашей нефти, и она не покрывала. Мы задолжали. Мы задолжали как по налогам, и это имело место, и это обсуждалось постоянно в правительстве округа, потому что 75% налоговых поступлений – это были от нашей деятельности. Это было предметом постоянных обсуждений в правительстве округа, и я уже не говорю про муниципальные образования. И мы сами понимали, что содержание медицины, милиция, все органы, институты власти должны кормиться с этого. И для нас это тоже было очень важно, чтобы это все было, мы же живем в этом городе и в этом регионе. И поэтому как только, что называется, мы начали выходить из кризиса, это 1999, 2000 год, наши кредиторы поставили вопрос через систему приставов, через судебные решения арбитражные, что называется, быстро вернуть. И были попытки арестовывать нефть в чистом виде. Такой случай имел место. Я обратился к губернатору, я понимал, что это чревато остановкой всего производства и развалом коллектива. Крупная партия, 400 000 тонн нефти была заявлена приставами для ареста. Я почему возражал – я точно понимал, что не сумеют они продать ее квалифицированно, потому что это очень сложно, и работа, требующая высокого профессионализма, не получают ни денег, ни налогов. Это понимание было, потому что так просто взять, арестовать и продать, и ничего, у меня бы не было денег даже на поддержание производства, а у региона не было бы этого. И в последующем, для того чтобы нефть, которая принадлежит «Юганскнефтегазу», не была подвержена аресту, ввели понятие скважинной жидкости, и уже скважинная жидкость входила в собственность компании «ЮКОС». И в дальнейшем нам поручалось эту скважинную жидкость оттранспортировать непосредственно с месторождений до товарных парков, подготовить до кондиции ГОСТа для нефтеперерабатывающих заводов, и только после этого, после этого мы отгружали эту нефть. Принципиально ничего не поменялось,

сколько было нефти, столько стало, но собственником скважинной жидкости становилась компания, у компании не было долгов. И мы тогда ушли от риска арестов, мы ушли от риска остановки производства и вообще, как бы, развала в то время. И эта тема не была закрыта, она обсуждалась во всех органах, она обсуждалась в правительстве округа, мы открыто говорили об этом. Но самое главное – объемы добычи, они были и есть, и те технологические процессы, которые были и есть. Мы только обратили внимание, что то, что мы добываем, не является товаром. Я понимал введение этого термина, философию или идеологию этого направления именно так.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а на каком этапе то, что добывает добывающее предприятие, становится товаром?

Свидетель Гильманов Т.Р.: возьмем любое месторождение, для модели, условно, 100 километров от товарного парка. Мы добыли. 400 скважин добывающих. Они откачали нефть за счет энергии насоса, спущенного на глубину 2 километра. Эта нефть доходит до дожимной насосной станции, где происходит первая ступень сепарации – газ выделяется в газопровод, нефть дальше должна транспортироваться по межпромысловому трубопроводу, это диаметр больше уже 300 миллиметров, уже отдельными насосными станциями. На некоторых дожимных насосных станциях были установки предварительного сброса воды, но достигался сброс воды процентов на 50-60, если воду считать за 100. Дальше транспортируется нефть по межпромысловому трубопроводу до товарного парка. Там уже стояло более сложное оборудование – реагентное хозяйство, печи нагрева нефти, потому что нефть при температуре ниже 40 градусов с реагентами не работает, там уже стояли установки глубокого обезвоживания, и там уже стояли установки конечной ступени сепарации. После этого нефть в резервуарных парках доводилась до кондиции, и только после этого откачивалась. Это достаточно сложный, трудоемкий процесс. Но его делали всегда, независимо от любой формы организации, от правовой формы организации или еще чего. Без этого нельзя. В магистральные трубопроводы «Транснефти» только товарная нефть.

Защитник Мирошниченко А.Е.: отражалась ли в бухгалтерской отчетности «Юганскнефтегаза», в частности, в пояснительной записке, количество проданной товарной нефти, выручка от продажи нефти и средневзвешенная цена одной тонны?

Свидетель Гильманов Т.Р.: продажа нефти осуществлялась в рамках генерального соглашения. Но ежедекадно, то есть каждые 10 дней прикладывался документ. Я сейчас точно не помню, или это были договор купли-продажи, или акт приема-передачи, но в этом договоре были базовые вещи, первое – объем сданной нефти в систему «Транснефти», раз, цена за одну тонну за этот период, за эту партию – два, и общая сумма сделки. И каждые 10 дней эти документы подписывались, и эти документы являлись основой для бухгалтерского баланса. Бухгалтерия не делала бухгалтерский баланс, не получив подтверждения, что одна сторона получила, другая сторона сдала. Объем, цена, сумма сделки. Такие документы подписывались каждые 10 дней специалистами этого направления.

Защитник Мирошниченко А.Е.: «Юганскнефтегаз», как известно, это было открытое акционерное общество, и оно, естественно, было обязано публиковать квартальную отчетность. В связи с этим два взаимосвязанных вопроса. Подписывали ли Вы ежеквартальную отчетность открытого акционерного общества «Юганскнефтегаз»? И соответствовали ли действительности сведения, которые были в них изложены?

Свидетель Гильманов Т.Р.: ежеквартальную отчетность, если Вы говорите о налоговой отчетности, обязательная отчетность налоговая ежеквартальная. Подписывал финансовый директор, мой зам по экономике и финансам, и, безусловно, цифры там были правильные, и других цифр там не могло быть. Потому что, еще раз говорю, те цифры, которые шли ежедекадно, они были основой, эти цифры соответствовали показаниям счетчиков, и они есть все, в «Транснефти», и всегда были, и никогда бухгалтерия не сделала бы баланс. Баланс формировался на базе этих документов подписанных, зарегистрированных, и других не было. На основе этого баланса считалась выручка, считались затраты,

выводилась налогооблагаемая база, но полный баланс, вся валюта баланса выводилась на основе этих документов. Документы отдавались налоговой инспекции, безусловно, они проверялись, они не сразу принимались, они брали паузу, и только после некоторого времени они их принимали и считали достоверными. Кроме того, аудит, ежегодный аудит проводился нашей компании, нашего предприятия, и основной целью этого аудита – подтверждение правильности бухгалтерских балансов, правильное отражение выручки, правильное отражение затрат, правильное отражение и формирование налоговой базы и выплаты налогов, и правильное отнесение затрат, даже не входящих в себестоимость. И эти заключения аудиторские подтверждали правильность балансов. И это было основой. И об этом мы докладывали, сначала рассматривали на совете директоров. Совет директоров одобрял или не одобрял наш годовой отчет, и рекомендовал к утверждению. А дальше этот годовой отчет, после корректировки, если были неодобрения, мы его доводили до нормативного уровня, утверждался на годовом собрании акционеров, которые проходили регулярно до перехода на единую акцию. И этот процесс был, что называется, неизменным.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вы опередили мой замысел спросить про аудитора. Но все-таки кто был аудитором «Юганскнефтегаз»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: аудиторы утверждались годовым собранием акционеров.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а Вы можете назвать организацию? Которая в этом периоде.

Свидетель Гильманов Т.Р.: «PricewaterhouseCoopers». Это был аудитор, который в год моего ухода это был только последний аудитор. Был период, когда были другие аудиторы, у нас была компания «Юником», но в последующие годы «Pricewaterhouse».

Защитник Мирошниченко А.Е.: и при Вас всегда были положительные заключения или были отрицательные?

Свидетель Гильманов Т.Р.: заключения были не сразу положительными, потому что были неправильные записи по бухгалтерскому учету, были какие-то ошибки больше связанные с человеческим фактором. И для меня это было достаточно таким серьезным сигналом, и более того, я попросил финансовых консультантов провести повторное обучение, и мы ежегодно проводили обучение всех специалистов бухгалтерии, для того чтобы профессиональный уровень этого звена был высоким. Практически это прошло достаточно, скажу так, болезненно, потому что там, порядка, по-моему, пяти сотрудников мы отстранили. Но в целом мы потом довели систему учета до очень хорошего уровня, и заключения были положительными. Без положительных заключений я не могу выйти на годовое собрание, я не могу доложить в совете директоров. Но это были ошибки, скажем, такого, больше технического уровня, и именно человеческого фактора.

Защитник Мирошниченко А.Е.: какие государственные органы, и как контролировали деятельность «Юганскнефтегаза»? И сразу же спрошу – участвовали ли Вы, как руководитель «Юганскнефтегаза», в каких-либо совещаниях должностных лиц органов государственной власти, на которых обсуждались вопросы деятельности «Юганскнефтегаза»? Высказывали ли там претензии, характер этих претензий? Госконтроль.

Свидетель Гильманов Т.Р.: прежде всего, я уже сказал о налоговом контроле. Это постоянные, камеральные проверки, тематические проверки, годовая проверка. Это было постоянно. Это была текущая работа. И взаимоотношения были достаточно, скажем, такими, производственно сложными. Но никогда не было таких конфликтов, которые были бы неразрешимы. Горнотехнический надзор. Ежеквартально в предприятии под председательством главного инженера проходит совещание, которое подводит итоги по вопросам промышленной безопасности, где начальник отдела промышленной безопасности делает доклад, как мы сработали в отчетный период, я на этих совещаниях постоянно присутствовал, потому что всегда понимал, что это одна из ключевых позиций. И обязательно на этом совещании был представитель горно-технического надзора на уровне или руководителя Юганского подразделения, а в будущем это Сургутское было

подразделение, они оттуда руководили нами, или это было на уровне заместителя. Это было ежеквартально, это шло под протокольную запись, мы ставили задачу, мы вскрывали все недостатки, и, безусловно, руководитель, представитель РГТИ обязательно выходил с выступлением. Были случаи, когда он достаточно жестко требовал отстранения, ставились жесткие сроки по исполнению. Это была такая вязкая, но необходимая работа. И поэтому участие непосредственно в этих совещаниях были всегда. Кроме того, нас еще контролировали природоохранная прокуратура. Природоохранная прокуратура проводила рейды по всем нашим месторождениям. Более того, мы сообщали в рамках регламентов, которые у нас действовали, один из адресов, мы сообщали о тех нарушениях или о тех инцидентах, которые происходили на месторождении. Безусловно, работала комиссия. Нас постоянно проверял комитет по вопросам недропользования, в котором входили представитель комитета от правительства округа и представитель Министерства природных ресурсов. Эти проверки были ежегодными обязательно, по вопросам замеряемости, по вопросам исполнения техсхемы по разработке месторождения. И были внеочередные, наверное, по какому-то своему плану. С нами постоянно работала транспортная инспекция, санитарная инспекция, с нами постоянно работал пожарный надзор. Пожарный надзор – это были наши лучшие друзья. Что называется, в кавычках. Мы просто-напросто очень много этому внимания уделяли. И, наверное, это было правильно, потому что в целом у нас категория производственных объектов В1А – это пожаро-взрывоопасные объекты. И поэтому мы не были обделены вниманием со стороны контролирующих органов.

Судом объявляется перерыв.

11 часов 45 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Тагирзян Рахимзянович, а Вы принимали участие в заседании расширенных правлений «ЮКОСа»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: в таком случае, расскажите, как регулярно они собирались, состав этих совещаний, какие основные вопросы на них обсуждались. О роли Михаила Борисовича Ходорковского в проведении этих совещаний.

Свидетель Гильманов Т.Р.: расширенные заседания правления проходили по итогам отчетного периода: годовой, по итогам полугодия. И два раза в год мы собирались, и эти совещания проходили, в основном, в тех регионах, где работают наши подразделения. Я думаю, что цель таких совещаний (почему именно в тех регионах, а не в Москве), во-первых, мы хотели в том регионе, где мы присутствуем, где ведем свою производственную деятельность, рассказать о своих планах как бы региональной общественности. Это было на уровне субъекта Федерации. Или там собиралась в Ханты-Мансийске, или мы собирались в Иркутске, или мы собирались в Орле, где мы говорили о планах компании, где мы говорили о перспективах. Мы говорили о социальных проектах. Практически многие совещания заканчивались подписанием социально-экономических соглашений на уровне губернатора. Мы даже провели это совещание один раз в Вильнюсе. Тогда, когда мы начали работать на Мажейкяйском НПЗ. На этом совещании приезжали представители всех добывающих подразделений, приезжали представители нефтеперерабатывающих заводов и представители сбытовых организаций. Практически вся цепочка добычи нефти и все составляющие вертикально-интегрированной компании собирались. Обычно строились эти совещания так, что начиналось совещание с того, что докладывал Михаил Борисович практически всегда сам и подводил итоги прошедшего периода, ставил задачи, говорил о плюсах. И это было приятно слышать на таком уровне о каких-то таких успехах и достижениях. И были недостатки, о которых тоже говорили открыто. И называли виновных, и ставили задачи. И в дальнейшем доклад строился так. Потом выступал блок добычи, Юрий Аркадьевич Бейлин докладывал, чем закончился отчетный период. Потом докладывал блок переработки. Оттуда шел доклад. И обязательно, безусловно, было выступление и по вопросам социальной политики, по вопросам кадровой политики. Каждый раз какая-то была направленность. Если была

направленность, касающаяся вопросов экономической и промышленной безопасности, был отдельный доклад на этом пленарном заседании. Если касалось вопросов кадровой политики, был отдельный доклад. Что для нас, для работников с региона, было важно. Мы понимали, чувствовали всю компанию. Мы чувствовали себя как единый коллектив, и мы не так часто встречаемся вместе, даже с блоком добычи. И поэтому такие встречи давали ощущение единства. И я понимаю, что это один из признаков корпоративной культуры, но отсюда она и росла, корпоративная культура. Что было важно. Безусловно, присутствовала пресса региональная. И, в целом, мы выезжали с этого региона, как бы с пониманием, что мы здесь делаем хорошее, полезное дело. И ощущение работы, что называется, в рамках региона, в рамках людей, живущих там, оно давало какое-то такое удовлетворение, что профессия, она дает такое удовлетворение. Эти совещания проходили, скажем, два дня, достаточно оперативно. Приезжали, переночевали, на второй день – рабочий. Или в этот же день вечером, или на третий день рано утром все улетали. Прилетали по разным схемам. Скажем, что мы придавали этому хорошее, серьезное значение. Во-первых, если доклад мой, то мы готовились очень ответственно. Все это было на хорошем уровне и хорошие были мероприятия, так скажем. И очень полезные.

Защитник Мирошниченко А.Е.: я еще раз напомню о своей оговорке перед началом допроса, что я буду спрашивать Вас не только о том, что непосредственно входили в круг Вашей ответственности, и задам следующий вопрос. Что Вы можете рассказать, что Вам известно, о системе торговли нефти внутри вертикально-интегрированной нефтяной компании «ЮКОС»? В связи с этим, может, расскажите, каким образом и кем устанавливались внутрикорпоративные цены? Кто устанавливал контрагентов-покупателей для дочерних добывающих обществ, в том числе, для «Юганскнефтегаза»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: для меня было понимание, оно и сейчас есть, это понимание, что этим занималось другое подразделение базовой компании – «ЮКОС РМ». Значит, «Refining & Marketing». Это люди, которые занимались переработкой нефти и вели политику нефтеперерабатывающих заводов: развития, стратегии развития, оперативной деятельности, эффективности – все, как в блоке добычи, только с точки зрения переработки. Это совершенно специфическая сфера деятельности, переработка нефти, и как-то до деталей, как выстраивались отношения, как была выстроена вертикаль – нет. Но я знаю, что переработчики всегда как-то дружно выступали и, вообще, с точки зрения организационной, это была такая, высокопрофессиональная команда. И как-то задавать вопросы, по какой цене Вы продаете, как у Вас устраивается бюджет, как-то это было непринято, и не надо было. Мы занимались добычей, и я считал своей задачей довести нефти до кондиции, обеспечить ее добычу, до кондиции ГОСТовской и откачать в систему «Транснефти». А что дальше происходит с нефтью, даже и не интересно, и не надо. Я знаю, что ее подхватывал такой же профессиональный коллектив, и дальше шло и развивалось так, как должно было развиваться. И поэтому кто устанавливал цену, для меня было и неважно. Ко мне приходили с ценами условия для бюджета ЗАО «ЮКОС ЭП». Приходила стоимость нефти, в целом, средневзвешенная по году, была разбивка поквартально, она менялась в зависимости от предполагаемых изменений поставщиков услуг, монополий. Это «Железная дорога», это «Транснефть», это РАО «ЕЭС». Это то, на что мы повлиять не могли, что регулировалось. Индекс дефлятор приходил с Министерства финансов, и поэтому все выстраивалось с этого. И поэтому как-то, куда она пошла, сколько на экспорт, сколько пошло внутренним потребителям, какова ценовая политика, я думаю, что это, вообще, отдельная профессия. Это достаточно сложная профессия, требующая профессионализма. И заниматься еще этой профессией невозможно, но не нужно. Но я должен сказать, что сбытовые организации тоже входили в этот блок, и стоял вопрос оптимизации баз, решался вопрос от того, чтобы убрать с бизнеса ненужные мощности, которые оставались в наследство нам от областных нефтебазовых предприятий. Поднималась культура заправочных станций, поменялся, значит, бренд, перестраивались заправочные станции. Когда мы видели эти новые заправочные станции, в новом бренде, было приятно. Когда едешь по дороге и видишь –

станция своей компании. Это было приятно. По поводу того, что с ценообразованием, еще раз говорю, это было в бюджете. А кто устанавливал? Нам хватало для покрытия операционных затрат, для формирования прибыли, для капитального строительства. И этого достаточно, потому что «Юганскнефтегаз» как добывающее подразделение не было центром прибыли, такой задачи не стояло. И мы считали, что центр прибыли сформирован именно в холдинге, что холдинг, имея все связи и оптимально, выстраивая рационально все проекты, выходит на максимальную прибыль, и этого было достаточно. Именно с той прибыли, с той прибыли, и формировалось дальнейшее продвижение.

Защитник Мирошниченко А.Е.: контрагенты-покупатели нефти.

Свидетель Гильманов Т.Р.: не знал.

Защитник Мирошниченко А.Е.: кто их определял, устанавливал?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Защитник Мирошниченко А.Е.: располагал ли «Юганскнефтегаз» специалистами в своем штате в области торговли нефтью, в том числе, на экспорт и далее за рубежом? И имелись ли в период Вашей работы в «Юганскнефтегаз» в самом аппарате общества подразделение, занимающееся таможенным оформлением, экспортом продукции?

Свидетель Гильманов Т.Р.: у меня таких специалистов не было. И в нашем предприятии не было такого отдела по сбыту, по мониторингу рынка, по взаимоотношениям с поставщиками, с системой «Транснефти». Не было у нас такого подразделения. У нас было подразделение, близкое к этой теме, это подготовка нефти. Учет и подготовка нефти. Оно так и называется: зам по подготовке нефти и утилизации газа. Это подразделение так называлось. У нас таких специалистов не было. Таможенными процедурами мы не занимались.

Защитник Мирошниченко А.Е.: как Вы считаете, как руководитель «Юганскнефтегаза», ценами, по которым продавалась нефть, добываемая обществом, был причинен какой-либо ущерб? Из-за того, что они были именно такие.

Свидетель Гильманов Т.Р.: безусловно, эти цены отличались от цен на бирже. Безусловно. Прежде всего, эта разница была совершенно понятна. Доставить нефть из Сибири до порта отгрузки, пройти все процедуры таможенного оформления, прокачку – это дополнительные затраты. И эти затраты ложились плюсом в цену, и цена, которая была на рынке лондонском – эта цена, которую диктовал рынок. Цены эти нас удовлетворяли в том плане, что, еще раз повторю, они перекрывали все необходимые затраты, и выручку от этой реализации, по этой цене, когда я говорю «я», я подразумеваю предприятие, я прошу как бы правильно понимать мою фразу. Я понимаю, что эта цена перекрывала все. И если не стояло основной задачей достижение какой-то максимальной прибыли, а стояла задача сделай свою работу, добудь такую нефть, сделай это безопасно экологически и для персонала, и в целом для региона, и дальше уже работает другая цепочка компании, это вполне нас устраивало. А если говорить в целом о ценах, то ведь и сравнивать-то было с чем? Биржи нет. Ценового обзора нет. Цена нефти в «Кортесе» являлась недоступной информацией, она не фигурировала по России. И если бы эти темы обсуждались хотя бы на уровне правительства округа, я бы знал, по каким ценам продает «Сургутнефтегаз», «Нижневартовскнефтегаз». Такие темы не обсуждались. Мы понимали, что цена – это самая закрытая тема в бизнесе, и задавать цену кому-то из своих коллег, бывая в Нижневартовске с генеральным директором, в Сургуте, было неэтично и неприято. По какой цене ты продаешь нефть. А так информации публичной никакой. Ни распорядительного документа, правительство не регулировало цены, и не вело его мониторинг. Я думаю, информация как-то собиралась в налоговых отчетах, там эта цена указывается, мы обязаны были указать цену при формировании базы. Но налоговая информация только в налоговой. И получение информации оттуда невозможно. И поэтому как-то сравнивать кто-то больше, кто-то меньше, и даже такой возможности не было. И если бы возникал конфликт, что мне не хватает для ведения производственной деятельности и не обеспечивает покрытия всех затрат, я бы, наверное, занялся этим вопросом, а сколько же других получают? Но этот вопрос был решен, урегулирован, и

такой необходимости не было. И поэтому говорить о том, что меня цена эта не устраивала, это неправильно.

Защитник Мирошниченко А.Е.: то есть, я так понимаю, что какие-либо расходы, связанные с экспортом добытой нефти, то есть пошлинами, оплатой каких-либо услуг «Юганскнефтегаз» нес или нет?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Защитник Мирошниченко А.Е.: нет?

Свидетель Гильманов Т.Р.: ни транспортные расходы не несли. У нас не было в статье затрат транспортных расходов, которые находятся в магистральном трубопроводе. Не было затрат ни по пошлинам, ни по оформлению, ни по продажам. И специалистов не было. И не было статьи расходов.

Защитник Мирошниченко А.Е.: вернемся ближе к Вашей непосредственной деятельности. «Юганскнефтегаз» располагал ли резервуарами для хранения нефти? И какова их емкость? Простым языком, на сколько дней хватало?

Свидетель Гильманов Т.Р.: по нормативу в отрасли, должно хватать на трое суток. Это требование безопасности. Но у нас этот норматив не выполнялся. Я думаю, что у нас хватало примерно на двое, двое с половиной суток. Уровень? Может быть, на уровне 300 тысяч. Точно не помню, но то, что мы не доходили до этого, это была проблема, но она не была критичная проблема. Когда эта ситуация возникает? Предположим, меня ограничили в приеме нефти, в откачке. Это было в случае аварий на магистральных трубопроводах, в случае шторма в Новороссийске и в случае каких-то проблем уже у «Транснефти». Она ограничивала в откачке, и тогда я начинал работать на резервуарный парк. Но это была ситуация, что называется, аварийная для нас. Мы непрерывно вели переговоры с «Транснефтью» об ускорении. И мы, конечно, контролировали. Практически за все время, может быть, раза два за пять лет моего управления мы ограничивали добычи. И только в тех регионах, в которых мы точно знали, что после разрешения мы не произведем потерю. Но эти ситуации возникали максимум в год два раза, особенно это было связано со штормовой погодой в Новороссийске, где мы производили отгрузку, я так понимаю, компания. Резервуарный парк был такого объема, на уровне двух суток. Имеются в виду объемы добычи, от того, что я добывал.

Защитник Мирошниченко А.Е.: прошу представить свидетелю для обозрения том 49 л.д. 43-47 копию генерального соглашения № Ю-21/612 от 31 июля 1996 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Мирошниченко А.Е. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 49 л.д. 43-47 копию генерального соглашения № Ю-21/612 от 31 июля 1996 года.

Свидетель Гильманов Т.Р. обозревает том 49 л.д. 43-47 копию генерального соглашения № Ю-21/612 от 31 июля 1996 года.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я знаком с этим документом.

Защитник Мирошниченко А.Е.: как-то назначение, смысл, содержание прокомментировать можете?

Свидетель Гильманов Т.Р.: он был подписан предшествующим генеральным директором, Росляком, и я не участвовал как-то в его обсуждении, подготовке. Но мне было четко понятно, что покупателем нашей нефти является «ЮКОС», мы являемся поставщиком, продавцом нашей нефти. «ЮКОСу» в рамках этого соглашения. На вопрос, почему мы так продаем, сказали, есть соглашение.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Тагирзян Рахимзянович, а Вам лично известны случаи в период 1998-2003 годов, когда отгруженная «Юганскнефтегазом» нефть в значительных объемах не была доставлена данному конечному потребителю?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, куда доставлена, и доставлена, как бы и неважно было. Но у меня не было случая, чтоб у меня не приняли. За исключением редких ЧП, которые происходили. Но в течение максимум трех суток они как бы решались. Для меня не было проблемы, что я буду делать со своей продукцией. Не было проблемы. Я точно понимал, что нефть тоже ликвидная на рынке, и что покупатели определены еще до того, как ее добыли. Это и сегодня так же.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а нефть сдана в систему «Транснефти»...

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Защитник Мирошниченко А.Е.: и не дошла до потребителя, случаи известны?

Свидетель Гильманов Т.Р.: но я не знаю потребителя. У меня ее приняли – я задачу решил. Но разговоров таких я не слышал, чтоб как-то не удалось куда-то ее разместить. Мне кажется, товар абсолютно ликвидный.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вы лично подписывали договоры купли-продажи нефти, акты приема-передачи нефти?

Свидетель Гильманов Т.Р.: вполне может быть, что и подписывал. Потому что я говорил о тех десятидневных документах, десятидневных документах, которые каждые десять дней подписывались, я не исключаю, что были и мои подписи. Потому что для меня было важно в этом документе? Объем отгруженной нефти. Потому что именно из этого получалась моя выручка. Если объем отгруженной нефти мои специалисты отдела учета и подготовки нефти подтверждали, визировали, я вполне мог подписать. Дальше цена и общая сделка, но это чистая математика.

Защитник Мирошниченко А.Е.: прошу представить свидетелю для обозрения том 53: л.д. 171-172 копию договора купли-продажи нефти № 18 Э/Ю-21/612 от 26 февраля 1999 года, 210 копию акта приема-передачи за январь месяц 2000 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Мирошниченко А.Е. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 53 л.д. 171-172 копию договора купли-продажи нефти № 18 Э/Ю-21/612 от 26 февраля 1999 года, 210 копию акта приема-передачи за январь месяц 2000 года.

Свидетель Гильманов Т.Р. обзрывает том 53 л.д. 171-172 копию договора купли-продажи нефти № 18 Э/Ю-21/612 от 26 февраля 1999 года, 210 копию акта приема-передачи за январь месяц 2000 года.

Свидетель Гильманов Т.Р.: здесь, как я и говорил, партия нефти 1 089 475 тонн, цена – 250 рублей 8 копеек, общая цена данной партии – 272 455 908 рублей. И это за период от 26 февраля 1999 года. Здесь записано: «Договор купли-продажи». Это я вижу. Он приложением является к генеральному соглашению. Здесь, да, есть подписи, но подпись здесь не моя.

Защитник Мирошниченко А.Е.: фамилия Ваша?

Свидетель Гильманов Т.Р.: написано, да, Гильманов, от руки. Но подпись не моя. А рядом есть, это моя подпись, похожа на мою.

Свидетель Гильманов Т.Р.: л.д. 210, за январь месяц 2000 года. Да, здесь подпись похожа на мою. Здесь как бы сводная, за весь месяц.

Защитник Мирошниченко А.Е.: вообще, как часто приходилось подобные документы подписывать? Договоры, акты.

Свидетель Гильманов Т.Р.: этот документ, во-первых, раз в десять дней. Но он для нас не представлял какого-то сложного с точки зрения «подписать, не подписать». Цифра, самое главное – цифра, объема откачки за этот период подтверждалась визированием специалиста отдела, начальником отдела учета нефти, подготовки и учета нефти, этого было достаточно. Потому что цена, там тоже есть виза начальника планово-экономической службы, она из бюджета. Сумма сделки, я уже сказал, это одну цифру на другую. Поэтому с точки зрения сложности я вижу там не мою подпись, думаю, что мог подписать и мой заместитель. Поэтому я минимум, не имел какого-то сложного раздумья по подписанию этого документа. Он являлся приложением к генеральному соглашению, правовая база существовала, объемы откачки были точными, это подтверждали специалисты. Этого было достаточно, чтоб его подписать. Он нужен был для бухгалтерии.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Вас никто не принуждал подобные документы подписывать?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а сомнений в правомерности своих действий?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не было?

Свидетель Гильманов Т.Р.: цифра подтверждалась. Если цифра не бьется, я не подпишу. Мне главное, чтобы баланс потом сбился. Чтоб не получилось так, что по этим актам я, условно, сдал 5 миллионов, а по факту я прокачал 3 500, тогда это будет дисбаланс, и надо будет понимать, что произошло. Поэтому для меня визирование моего специалиста ответственного, этого было достаточно, и у меня не вызывало это сомнений. И не было случаев, что когда-нибудь у нас не сбились показания коммерческих узлов учета с общим свободным балансом, исполнительным балансом по месяцу. У нас не было таких случаев.

Защитник Мирошниченко А.Е.: с темой торговли закончили, перейдем к социальной ответственности «Юганскнефтегаза». Вложение в объекты социальной сферы производилось «Юганскнефтегазом»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно, мы без этого не представляем свою работу, потому что в свое время, когда мы были акционированы, у нас на балансе было 23 детских сада, была дома культуры. И мы отвечали за то, что происходит на территории, то, что происходит в городе, в поселке. Для нас было небезразлично, как работает наша медицина, как работают органы внутренних дел. И поэтому для нас состояние такого, психологического, социального климата в регионе было важно. Но, прежде всего, если считать, что до выделения сервисных предприятий у нас работало 30 тысяч человек, если взять семью по три человека, то это почти 90 тысяч. А весь регион составлял 115-120 тысяч. Практически мы все работники. И говоря о социальных каких-то программах и нашем влиянии, мы понимали, как живут наши люди, так они и работают. Но если говорить конкретно о социальных наших проектах, еще раз должен сказать, что ежегодно

подписывалось социально-экономическое соглашение с губернатором округа и с представителем компании. И в этом были определены, какую мы оказываем помощь тому или другому региону. Например, деревня Селиярово, которая находится в близости от Приобского месторождения, мы туда зашли только с первым кустом бурения, мы тут же построили туда линию электропередач, у них до этого было автономное энергоснабжение, они жили на дизеле. Что это такое, жить на дизеле, наверное, Вам понятно. Мы построили фельдшерско-акушерский пункт, мы пробурили артезианские скважины, мы оборудовали школу Интернет-классом, мы поставили компьютеры. Мы взяли на себя вопросы детского питания в этой школе. Для этой деревни это были хорошие шаги. И, более того, мы предоставили рабочие места. Потому что до этого эти люди занимались только промыслом. И в этой деревне нет профессий таких, которые могли бы обеспечивать. И дотационные были деревни это. Практически, полунациональные деревни. Там и местное население, ханты, и многие сотрудники не сразу, но работали на наших промыслах. Если говорить уже об обжитых районах, мы сделали такой достаточно качественный шаг, я там с 1974 года работал, и мы только уже в 2000, наверное, первом или втором году построили бассейн в поселке Пойковский со своим спортивным залом, с кафетерием, со всеми делами. Это, может быть, звучит здесь как-то так, незначимо, но для такого поселка, где живет 15 тысяч человек две школы и там три детских сада, спортивный комплекс с бассейном – это событие. Мы построили аквапарк в городе Пыть-яхе. Мы создали Интернет-кафе, мы создали Интернет-классы. Мы в классы в каждой школе оборудовали интернетом класс, и мы обучали преподавателей пользоваться этим ресурсом. И это был тоже качественный скачок. И только после этого пошло то, что называется интернет уже жил во всем мире, к сожалению, у нас еще он не жил и не было. Просто технически они не могли купить компьютеры, а мы все это сделали. И мы это делали открыто и совершенно понятно. Более того, мы построили большой спортивный комплекс для города, который называется «Олимп», и там проводились соревнования областного масштаба уже. И это входило в нашу программу. Более того, с Ханты-Мансийским районом, я помню, 2002 год, у нас была программа финансирования социальных объектов на уровне 90 миллионов. Долго шла дискуссия, сколько, как. И мы сравнивали, сколько на территории этого района добывает «Сургутнефтегаз». Район очень большой по территории. И мы пропорционально объемам нашей добычи, мы выделили эти деньги, и эти деньги были использованы. И поэтому если говорить о социальной ответственности нашей, мы все понимали, я понимаю, что как-то звучит, вроде я делаю рекламу. Нет, это потому, что мои дети, мои внуки в эту школу ходят, в этот детский сад ходят. И в этой больнице периодически я лечусь. И для меня небезразлично, как это все выглядит, и на каком уровне все это работает. И потом, когда компания пришла, и когда мы стали эти вещи понимать, я расскажу, 1997 год, вхождение и создание этого всего, а уже к 2000 году мы подняли. Мы создали систему телемедицины в нашей городской больнице. Я присутствовал на одном из сеансов, это просто меня поразило, когда тяжело больного человека вывели на контакт со специалистами из Петербургского какого-то специализированного медицинского центра, и он, прочитав историю, анализы, вместе с врачами на расстоянии Питер и Нефтеюганск, они подкорректировали методику лечения, диагноз. А мне потом позвонили и сказали, что пациент выздоровел. И система телемедицины сегодня работает. А Интернет-классы? ЮКОС-классы. Последние два года до выпуска мы выделили в школах ЮКОС-классы, где дополнительно ввели уроки по математике, по психологии. Мы финансировали, школе бюджет не позволял, но мы работу преподавателей колледжа в школе финансировали для того, чтобы подготовить детей для поступления. И у нас все дети с ЮКОС-класса процентов, наверное, на 80 все поступали. И люди стремились, чтобы попасть в этот класс, и это был конкурс, и лучшие дети. И это было тоже мотивацией учиться лучше. И сейчас эти ЮКОС-классы работают, правда, они называются Роснефть-классы, но суть-то не изменилась. И хорошо, что они продолжают эту работу. Но это начинание было. Более того, мы интернет-компанию «Сибинтек» зарегистрировали в Юганске, поставили ее в Юганске и 400 рабочих мест создали.

Именно продвинутых ребят мы брали, даже еще, что называется, молодыми специалистами. Я должен сказать, что у нас были очень крепкие контакты с нефтяными вузами. С Уфимским нефтяным, Тюменским индустриальным. И сегодня в Тюменском индустриальном, он сейчас называется Нефтяной университет, есть табличка, что лаборатория по геологии оборудована, и поставлено оборудование, системы, нашим предприятием. Именно тогда студенты стали приходить к нам, понимая, что такое трехмерное моделирование. Это уже были продвинутые геологи, которыми можно было, на самом деле, и наращивать темпы прироста 18% ежегодно. Я считаю, что социальная ответственность нашего предприятия, она не была какой-то, я извиняюсь, подачкой. Это было естественно. Это мы, что называется, на себя все это нарабатывали. И у нас с губернатором были разные отношения, особенно в части, когда мы недоплачивали налоги во время кризиса. Конечно, у нас были жесткие разговоры, когда экологические проблемы возникали. Но, в целом, одобрение и понимание нашей деятельности и роли нашей в жизни округа было все, что называется, сбалансировано, и все было органически понятно. Защитник Мирошниченко А.Е.: а за счет каких средств все эти расходы осуществлялись? Свидетель Гильманов Т.Р.: эти расходы, они шли у нас в нашем бюджете, нашего предприятия. Это было централизованно, на уровне компании. Потому что мы посчитали, Вы знаете, мэр города и говорит, надо ему систему очистки воды, надо его глазной клинике помочь. А в это же время об этом же говорит представитель правительства округа. Точно же об этом. И получается, если бы начали работать напрямую по этой программе, что называется, все бы смешали. Это все было централизованно. И правительство округа, и губернатор поддерживали. Все проблемы, которые хотели решить, сводились туда, обсуждались очень длительно. И потом на этом уровне подписывалось, и финансирование шло в округ, а округ эти деньги распределял. А вопросы строительства тех объектов, больших достаточно по стоимости, как аквапарк, бассейн, спортивный комплекс, они шли тоже в рамках этой программы. Но мы взяли на себя все циклы, мы не только деньги дали, мы представили проект, мы провели тендер по подрядчикам, мы проследили качество, мы насытили оборудованием, и мы сдали под ключ. И мы больше были рады, чем все те, которые пользовался, потому что нам удалось реализовать этот проект.

Защитник Мирошниченко А.Е.: приходилось ли Вам при работе в компании «ЮКОС» исполнять приказы, указания и распоряжения, которые выходили бы за пределы Ваших служебных обязанностей?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, таких приказов, распоряжений не было. И Вы знаете, я думаю, не могло быть, потому что культура отношений была такова, что мы уважали свое руководство, руководителей компании «ЮКОС», и они с уважением относились к нам. И это взаимное уважение нам не позволяло как-то вести разговоры другого плана. Никогда со мной не обсуждалась никакая другая тема. И каждый раз я, когда шел на встречу к Михаилу Борисовичу, я готовился практически как на экзамен. Потому что для меня это было ответственно. Только потому, что я и уважал, и уважаю его как человека, который сумел организовать работу такого громадного коллектива. Не было таких.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а, может, от Лебедева, от других лиц Вам поступали просьбы, указания? Которые бы Вы расценивали как незаконные.

Свидетель Гильманов Т.Р.: мы, наверное, в первый год общались, когда выстраивали схему, скажем, финансовую схему, как организовать финансирование, бюджетирование, когда писались регламенты, стандарты. Когда эта система была создана, я уже говорил, он уже не участвовал напрямую в нашей деятельности. И я распоряжения от него не получал. Были встречи, консультации, но это был первый этап, когда мы, что называется, создавали регламенты нашей деятельности и все процессы описывали.

Защитник Мирошниченко А.Е.: и другие лица ничего незаконного не просили сделать?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не оказалось ли на Вас когда-либо психическое, иное воздействие? Принуждали ли Вас к выполнению каких-то действий во время работы в «ЮКОСе»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я считаю, что на земле места много, и найти работу нефтянику, который знает свое дело, не проблема. И если существовала бы такая система или даже бы намеки на эту тему, поднялся, поблагодарил за работу и ушел. Поэтому если я работал до конца, до 2007 года, таких предложений, каких-то разговоров такого плана не было. И не было таких планов.

Защитник Мирошниченко А.Е.: известно ли Вам что-либо о какой-то неформальной параллельной структуре управления компанией «ЮКОС»? То есть помимо официальных органов.

Свидетель Гильманов Т.Р.: мне кажется, это и невозможно. И я первый раз об этом слышу. И чтобы параллельное управление. Это невозможно. Вы знаете, на уровне отдела бывает, ведут для начальства сводку и ведут эту сводку. Это все кончается тем, что отдел расформируется. Не было таких, и я не знаю об этом. Не было таких. Я, по крайней мере, об этом не слышал, и, думаю, это невозможно.

Защитник Мирошниченко А.Е.: а у Вас не сложилось впечатления, что Михаил Борисович Ходорковский каким-то образом скрывал свою фактическую роль в «ЮКОСе»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: как? Как это можно скрыть? Он приехал и сказал: «Мы будем вместе работать, я буду руководить управляющей компанией, буду руководить той командой, которая будет компанию выводить на передовые рубежи». Он всегда для нас был руководителем, человеком уважаемым, доступным. Я уже сказал, что у меня встречи были всегда регулярные. Более того, по каким-то обстоятельствам один раз я задержал встречу, и мне кто-то из секретариата напомнил. Нет, не было такого. Мы все понимали, что Михаил Борисович является нашим руководителем. И когда мы приезжали, Михаил Борисович приезжал к нам в регион, мы всегда проводили встречи для общественности города, где собирались работники, что называется, общественность. Вот это главврач, глава района, мэр города, начальник милиции, прокурор, военком. И мы садились и говорили. Они к нему обращались, и они были очень-то этими встречами удовлетворены. И считали, если я не пригласил на эту встречу, потому что программку, я вел эту программку, они обижались: «Ну, что ж ты не пригласил меня на встречу с Ходорковским». Для них он был руководителем компании. И мы обязательно проводили такие встречи, где обсуждали в неформальной обстановке основные проблемы. Нас очень интересовало, как развивается торговля, как развивается вообще состояние преступности, какой уровень медицины. И эти встречи были такими интересными. Они проходили всегда так живо. И ни от кого не было такого, что Михаил Борисович кто-то другой. Это руководитель. Наш руководитель. Мне кажется, это даже непонятно.

Защитник Мирошниченко А.Е.: известно ли Вам, что пока Вы руководили «Юганскнефтегазом», в руководстве «ЮКОСа» действовала организованная преступная группа?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я думаю, этого невозможно, этого не было, и это невозможно. Потому что, посмотрите, во-первых, ежегодный годовой отчет на собрании. И потом, когда наши акции вышли на рынок, у нас появились акционеры независимые. Членами совета директоров были тоже независимые члены совета директоров. Это были представители международного бизнеса, известные юристы. И все балансы были там открыты. И это первое. Второе, ежеквартально мы отчитываемся по вопросам добычи в комитет недропользования в г. Тюмени. И эта сводка, она идет в ЦДУ, она сегодня идет. И все объемы добычи до тонны фигурируют ежесуточно в балансе министерства. И есть приказ, как составляется баланс, им дается две недели для представления. Я имею в виду, ЦДУ для представления в министерство. Все объемы, а они очевидны, и как-то. А что преступная группа? Все на виду, все прозрачно, налоги оплачиваются. Налоговая инспекция постоянно проверяет. Когда мы рассчитались по всем тем задолженностям, которые накопились во времена кризиса, а это было объективно и, что называется, в

рамках форс-мажора, мне руководитель моей налоговой службы принес документ, в котором написано: «Задолженности нет, задолженности нет, и есть небольшая переплата». Он пришел, с такой гордостью мне об этом докладывал. А для меня это был праздник, что мы, на самом деле, рассчитаться смогли по всем своим обязательствам. Не только по телу долга, и по процентам. И это был для нас праздник. Для людей, которые несут ответственность за свое дело. И какой-то преступной группировки, я считаю, невозможно. Если бы что-то такое было, никто бы не стал работать. Люди же работают.

Защитник Мирошниченко А.Е.: и Вам ничего неизвестно о хищении всей нефти, которую «Юганскнефтегаз» добыл в 1998-2003 году? Или, может, то же самое в отношении «Самаранефтегаза», «Томскнефти».

Свидетель Гильманов Т.Р.: с физической точки зрения это невозможно. Если это предполагается, что это происходило по разнице цен, это тоже неправильно, потому что цены были такими, какие они должны были быть для нефтедобывающего предприятия. Покрывать все затраты, создавать прибыль, необходимую для покрытия социального пакета, формировать и финансировать капитальные вложения. Все остальное, центром прибыли, был холдинг. Это нас устраивало, мы понимали, что развитие компании можно при концентрации очень высокой эффективности работы. И как-то сказать, что у меня не взяли нефть и мне не дали деньги, я не могу этого сказать. Деньги поступали регулярно, в полном объеме. И в этом случае я добыл – я передал. Мне деньги за мой труд отдали. И если говорить о зарплате, у нас каждый год поднималась зарплата, перекрывая инфляцию. Если инфляция в те годы была до 14, 12, до 10%, то каждый год мы обязательно ставили себе в бюджет рост заработной платы, которая бы перекрывала рост инфляции. Более того, мы контролировали заработную плату и собирали информацию, как другие регионы, Нижневартовск, Сургут, «Лукойл». И мы не хотели быть последними, для нас это было тоже вопросом чести. И поэтому когда мы поставили себе задачу, зарплата должна дорасти до тысячи долларов у нашего работника, сегодня эта зарплата такая. Сегодня нефтяники «Юганска» эту цель достигли, и начало этой деятельности было положено нами. И поэтому говорить, что у меня похищали каким-то образом нефть, я не могу, я считаю это ненормальным. Это что-то такое придуманное и непонятно для чего. Это невозможно. Это ненормально. Нельзя украсть такую партию нефти. Нельзя ее взять и не рассчитаться, потому что тут же встает производство. Это ЧП. Город же, он же тоже независим, он тоже может показать свой характер. И если его не будут финансировать, он тоже может сказать свое слово. Такого не было. И стабильность в городе была важна. Значит, своевременная зарплата, своевременные налоги – это было одной из задач, я об этом говорил.

Защитник Мирошниченко А.Е.: у меня нет больше вопросов.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Тагирзян Рахимзянович, поясните, пожалуйста, суду процедуры сдачи нефти в «Юганскнефтегазе» на коммерческом узле учета «Транснефти». Как это происходило? Как это оформлялось и так далее. То есть речь идет о физической сдаче нефти.

Свидетель Гильманов Т.Р.: мне легко это рассказать, потому что я четыре года руководил непосредственно товарным парком и занимался этой деятельностью профессионально. Нефть поступает на установку, как мы с Вами говорили, с большим содержанием газа, воды, мехпримесей. Идет термическая обработка для того, чтобы нефть могла взаимодействовать с реагентом. В результате этого молекулярные связи воды и нефти разваливаются, вода в нижней части убирается, обратно закачивается в пласт. Нефть идет по цепочке, доходит до резервуарного парка. Дошла до товарной продукции. Качается, насосы называются внешней откачки. Это специальные насосы, их в резерве почти 50%, потому что это очень важная технологическая цепочка. Если три насоса качают, у меня еще три в резерве. Вроде экономически непонятно и невыгодно, но мы держали такой резерв. Дальше поступает на узел учета. На узле учета идет откачка и учет этой нефти. Узлы учета калибруются госповерителем, постоянно проверяются метрологом, «Транснефтью». Постоянно идут проверки метролога. Он может приехать в любое время.

Первое, что проверяет, наличие всех пломб. Проверяет наличие пробоотборника. Пробоотборники пятислойные, в зависимости от диаметра, или трехслойные. Но у нас был пятислойный. Останавливается период откачки, это для технологии некритично, вскрывается пробоотборник, комиссионно проверяется, все ли трубки, там пять трубок, проверяется, все ли забиты. И представительна ли проба. Есть емкость, куда набирается контрольная проба, если проба менее 50%, она считается не представительна, и в этом случае эту партию нефти у меня может поставить под сомнение и отдать, и купить у меня по меньшей, по самой низшей группе качества. Если я не сумею доказать, почему проба не была представительной. Это первое, что проверяют. Дальше, специальная есть станция проверки. На каждом узле учета, у меня было четыре узла учета, они все пронумерованы, и нумерация соответствует системе «Транснефти», у меня был 521 и 449 узел учета на Правдинском месторождении. Проверяется госповерителем, доводится до класса 015. Если ГОСТ проверку не прошла какая-то линия, несколько линий, то эта линия останавливается, и начинают разбираться. Поэтому жесткий, очень жесткий вопрос по качеству. Это первое. Содержание воды, объем нефти. Если превышает более 1%, нефть не принимается в систему. Такие случаи у меня были. Были аварийные ситуации, когда отказывало реагентное хозяйство, нефть не принимали. Мы держали нефть, уже вручную доводили ее до кондиции и только после этого откачивали. Нефть сдали, и эта проба, представительная проба, о которой я Вам говорю, поступает в лабораторию, поступает на разгонку, на содержание мехпримесей, на содержание газа и на содержание воды. Делают параллельно два лаборанта. Один лаборант нашего предприятия и один лаборант, который представляет «Транснефть». Эти два лаборанта делают, если пробы не совпадают, возникает дискуссия. Мне не подписывают суточный акт приема-передачи нефти. Часть пробы сдается в специальное сейфовое хранилище как арбитражная проба. Она хранится, в то время хранилась, 15 суток, может, сейчас короче, может, больше. Если возникают какие-то дискуссии, эта арбитражная проба запломбированная уходит в нейтральную лабораторию, этим выступали институты отраслевые, и они выступали арбитрами. Все проверили по качеству, по объему, эту нефть сдали. Вся нефть, которая сдана, каждые сутки в первой половине – на два часа дня, вторая половина – на два часа ночи. Почему два-два? Потому что разница с Москвой в 12. Все данные передаются и по качеству и по количеству в ЦДУ. То, что передается в центральную службу объединения производственного, акционерного общества, передается в компанию. Документ правительственного уровня обязывает нас все данные передавать в ЦДУ. Все данные передаются в ЦДУ, и сутки закончились. И так 30 или 31 сутки. Потом исполнительный баланс на 1 число замером каждого резервуара. У каждого резервуара есть калибровочная таблица, которая проверена и аттестована госповерителем. Каждый резервуар проверяется вручную, помимо электронных замеров, проверяется пробоотборником, который тоже госаттестован, у которого есть клеймо госповерителя. И после замеров 1 числа составляется на основе всех остальных расчетов исполнительных баланс. Поэтому как-то сдать нефть по-другому некачественную, не того объема, у нас были случаи, когда, например, не бился баланс у «Транснефти». Мы сдали определенное количество (все: Вартовск, Сургут, мы), а в итоге «Сибнефтепровод», центральное подразделение «Транснефти» по Сибири, «Сибнефтепровод-Тюмень», у них баланс другой. Внеочередная проверка всех узлов учета, и если у кого-то будут отклонения, могли закрыть по концам и недостачу всю положить на виновников. Я таких случаев не помню. Поэтому вопрос сдачи нефти жестко регламентирован, контролируется и становится публичным. В ЦДУ всю сводку есть, и, я думаю, в архивах любой год и любые сутки назвать, и, я думаю, эта информация есть. Поэтому объем сданной нефти невозможно каким-то образом сделать другим, невозможно. Я поэтому, и когда подписывал эти десятидневные – или я, или кто-то из моих заместителей – мы точно понимали, что эта цифра всегда проверяется, проверяема и контроль.

Подсудимый Лебедев П.Л.: правильно ли я понимаю, что «Юганскнефтегаз» сдавал в систему «Транснефти» нефть, соответствующую ГОСТу, самостоятельно?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, мы сдавали самостоятельно. Мы от нашего имени подписывали акты приема-передачи, мы подписывались под анализами, мы подписывались под всеми необходимыми документами, которые сопровождают этот процесс.

Подсудимый Лебедев П.Л.: и тогда вот какой уточняющий вопрос. И на основании этих ежесуточных актов Вы формировали свою базу по той нефти, в соответствии с теми актами приема-передачи, которые Вам показывали? Вот эти объемчики, где Вы рассказывали, что количество нефти, которое там указано, проверялось, которое сдавалась в систему «Транснефти», умножалось на цену, указанную в договоре, и это уже становилось финансовым документом для расчетов. По этой процедуре.

Свидетель Гильманов Т.Р.: оперативная информация имела, и если я, условно, подписывал 12 числа любого месяца, я базировался на оперативной информации, и расхождения могли быть в тоннах – несущественные. Но последним актом мы как бы это все выравняли, и это обязательно соответствовало. Это должно было биться, что называется, до второго знака после запятой.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я, как ни странно, начал вопрос задавать Вам о сдаче нефти в систему «Транснефти» для того, чтобы назад вернуться к устью скважины и несколько уточняющих вопросов задать про скважинную жидкость. Поясните, пожалуйста, суду – хотя, по-моему, суду уже это теперь понятно – Вы сообщили, что качество нефти, которую Вы сдавали в «Транснефть», объем воды не превышал 1%. А на устье скважины, как вы сообщили нефть, и обводненность была порядка 65% в среднем. Поясните, пожалуйста, суду, куда этот огромный объем жидкости девался.

Свидетель Гильманов Т.Р.: на самом деле средневзвешенная для формирования макроэкономических результатов 65, но были месторождения с выработанными, где уже было и 80. Это были Северно-Салымское, Правдинское, Мамонтовское месторождение. Но были месторождения с небольшой обводненностью – это новые месторождения Приразломное и Приобское. Эта вода, которая на предварительном сбросе или на товарных парках сбрасывалась в резервуары, она готовилась, тоже очищалась, уже от нефти, в водяных резервуарах. Технологические водяные резервуары, они были меньше по объему, потому что там процесс очистки не являлся товарным, и очищенная вода поступала на кустовые насосные станции. Кустовые насосные станции занимались тем, что принимали эту воду и закачивали в пласт, потому что система заводнения пласта – это технология, без которой не добывается нефть. Если мы вскрыли скважину и любой продуктивный пласт, отбирая оттуда жидкость, мы, что называется, понижаем там давление. Когда мы там понижаем давление, то столб жидкости, который идет вскрытого пласта на глубине 2,5 километра, 3, в зависимости от зоны перфорации, зоны вскрытия пласта, то эта жидкость, если она поднимается на уровень, каждая атмосфера – 10 метров. Если 2,5 тысячи, то она может подняться до устья. Если пласт разряжается, и его энергетически не подпитывать, уровень воды уходит, нефти и воды уходит, и тогда мне нужно для подъема этой жидкости с глубины 2 километров энергию потратить больше – надо более мощный насос пустить, большую потратить энергию. Поэтому стремление любого специалиста по разработке того, чтобы в пласт нагнетать воду, чтобы эта энергия постоянно поддерживала уровень. И мы сегодня насосы спускаем на глубину 1 200, 800 метров – это требуются меньшие насосы и меньшие энергозатраты, и поэтому вся вода пластовая, она заканчивается обратно в пласт. Ее нельзя никуда использовать, потому что она с содержанием соли, и если произойдет порыв этого водовода, вроде бы вода, тем не менее, растительность на первое время, что называется, погибает, и это экологический для нас инцидент. Поэтому водоводы точно так же охраняются с точки зрения защиты, обрабатываются с реагентами, и вся вода закачивается обратно в пласт для поддержания энергетики пласта. Одновременно идет и утилизация, и как использование этой воды для поддержания энергетики пласта.

Подсудимый Лебедев П.Л.: идем по цепочке. Извлекли нефть в составе скважинной жидкости – я усредняю, я тут по условным, базовым данным – из нее приблизительно 65%

или столько, сколько могли, воды сбросили на установки по предварительному сбросу воды, или, в зависимости от того, какая у Вас была конфигурация или где-то на установках подготовки нефти, то есть на ближайших.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Подсудимый Лебедев П.Л.: скажите, пожалуйста, какой процент обводненности у «Юганскнефтегаза» составлял после установок по предварительному сбросу воды? Какая доля воды оставалась в жидкости?

Свидетель Гильманов Т.Р.: если обводненность была, обычно ставится установка предварительного сброса после достижения обводненности 40%. Если 40%, то незачем мне на 100 километров от месторождения до товарного парка, до установки подготовки, перекачивать эту воду. Старались сбросить максимально, но достигали, скажем, успешности примерно на уровне 80%. Если было 40% обводненности, то 80%. 30% процентов убирала, то процентов 10 еще оставалось для товарного парка. Для товарного парка.

Подсудимый Лебедев П.Л.: в жидкости, которая шла после УПСВ в товарный парк, содержание воды было какое?

Свидетель Гильманов Т.Р.: вода была. Это была не товарная нефть, там была вода. Я думаю, что в диапазоне 10-15%.

Подсудимый Лебедев П.Л.: 10-15% дальше шло по трубопроводу до?

Свидетель Гильманов Т.Р.: до товарного парка. До установки подготовки нефти. А есть же дожимные насосные станции, предварительного сброса нет. Если месторождение на расстоянии, скажем, 18-20 километров, то мы не ставили предварительный сброс. Сразу качали со всей обводненностью, и предварительный сброс на входе, на установке подготовки нефти, на входе свой предварительный сброс. Но он уже был не промысловый, а относился к этому площадному объекту.

Подсудимый Лебедев П.Л.: скажите, пожалуйста, в сумму договоров купли-продажи нефти, который «Юганскнефтегаз» заключал с «ЮКОСом» или с другими покупателями, входили затраты, связанные с транспортировкой нефти в составе скважинной жидкости от устья скважины до товарного парка?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно. У нас отдельная строка в себестоимости – затраты на транспорт внутривнепромисловый. Первое, затраты на предварительный сброс – раз, затрата на сепарацию – два. Потому что эта дожимная насосная установка, которая на месторождении, все ее затраты садилась на себестоимость добычи нефти, и дальше транспорт от нее тоже считался, и тоже эти затраты входили в себестоимость. Они включались в себестоимость добычи нефти. Они отдельно считались, чтобы мы понимали, сколько стоит каждый процесс, но эти затраты учитывались.

Подсудимый Лебедев П.Л.: то есть я что хочу уточнить: несмотря на то, что нефть в составе скважинной жидкости уже принадлежала «ЮКОСу», услуги по транспортировке этой жидкости до товарного парка «Юганскнефтегаз» оказывал, и эти услуги оплачивались и входили в цену договора?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно. Это процесс, который имеет операционные затраты. Он рассчитывался, мы выставляли прямо сколько это стоит, и, естественно, все в стоимость входило и все это компенсировалось ценой. Мы получали деньги в общей цене, и там это учитывалось.

Подсудимый Лебедев П.Л.: скажите, пожалуйста, а собственно услуги по подготовке нефти в товарных парках, они тоже включались в цену договоров?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно. К тому же услуги по подготовке нефти занимали достаточно серьезный, это фондоемкий процесс, прежде всего реагенты. Мы первое время получали реагенты с Германии, потому что отечественные реагенты на нашу нефть не влияли, не оказывали – была низкая температура. Даже мы ее нагревали до 36-40 градусов, но реагент не сработал. И это обходилось очень недешево, получать из Германии реагенты для подготовки нефти. Дальше – блоки нагрева, это печи. Их эксплуатация – это, во-первых, энергоемкое производство, во-вторых, используется в

качестве топлива газ. Дальше – резервуарный парк, насосный парк, операторство, вся система контроля. Это достаточно затратный механизм, и все это учитывалось. Есть отдельная строка «Затраты на подготовку нефти».

Подсудимый Лебедев П.Л.: правильно ли я Вас понял, что таким образом в итоге в соответствии с условиями договоров, которые заключались между «Юганскнефтегазом», «ЮКОСом» и другими покупателями, Вам платили не за скважинную жидкость в итоге, а за нефть, соответствующую ГОСТу?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нам платили за нефть, сданную в систему «Транснефти», за нефть, которая доведена до кондиции ГОСТа. И в стоимость этой нефти, включились и затраты на подготовку, если обратно идти, и затраты включают, как бы насосы внешнего транспорта, я говорил, и содержание узла учета – безусловно, все. Затраты на межпромысловую подготовку, затраты на деятельность дожимной насосной станции, затраты на добычу нефти из скважины – насос, электроэнергия, геологи, технологи. Весь комплекс операционных затрат, обеспечивающих этот процесс, весь просчитывался, выводилось на одну тонну нефти, и отсюда выходилось покрытие ценой.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я понимаю, что это было давно. Скажите, можете ли Вы приблизительно пояснить суду, 1997 год, когда мы с Вами вместе смотрели показатели деятельности «Юганскнефтегаза» за 1996 год включительно, попробуйте пояснить суду все, что Вы вспомните, каким образом и почему «Юганскнефтегаз» на тот момент имел, я так образно скажу, «дыру» более 1 000 000 000 долларов, и с чем это было связано. Этот момент поясните.

Свидетель Гильманов Т.Р.: тогда было две тенденции негативных, на мой взгляд. Первое – это был период пока падающей добычи. Мы падали в добыче. Я работал замом по экономике, занимался планированием и формировал бюджет, и тогда на совете директоров обсуждался вопрос, почему не 4, а 6% добычи. Вот не о приросте, о котором я говорил, в последующие годы, когда мы начали работать уже эффективнее, как вертикально-интегрированная компания, а было падение добычи, и его надо было переломить. В целом было по отрасли падение, упали же по отрасли от 600 миллионов до 300 миллионов, и период этот тяжело дался для нефтяников. Это был первый негативный момент. Второй – по налогам. Налоговое законодательство только-только набирало обороты. Первая часть Налогового кодекса была, что называется, тем документом, который надо было выполнять. А кем выполнять? Налоговых служб не было. Вот наших же финансистов взяли наиболее талантливых и попросили в налоговую службу, и они там работали. А наши специалисты еще не понимали, зачем налоги-то, чего? Я заплатил за электроэнергию – получил. Заплатил за воду, за зарплату – все понятно. А налоги? Не было дисциплины налоговой. Не было дисциплины налоговой в целом в отрасли, не только у нас, и если налоги составляют 48-50% всего финансового оборота, в плановом управлении человек 25, в финансовом управлении человек 15, а в налоговом тогда, в 1994 году, когда начиналось это все, 3 человека. И когда мы посмотрели первые налоги – первые налоги – я заступил на должность замом по экономике, я нашел аудиторскую компанию. Еще аудиторской деятельности не было, я нашел аудиторскую компанию «Контакт» и попросил аудит. Уговорил своего генерального директора, Парасюк Владимир Александрович: «Давайте оплатим». И первое, что было сказано, тогда еще и требования об аудиторской отчетности не было. Мы же понимаем, как все развивалось, все при приватизации. Было сказано, что отношение к налоговому администрированию неудовлетворительное. И мы начали создавать налоговую службу свою, отдел налогового планирования, финансирования, профессионально обучать. Налоги тогда выплачивались, процентов, наверное, 70-75, когда только-только еще были производственные объединения, еще не было вертикально-интегрированных компаний. Производственное объединение было создано в 1977 году, приватизация произошла в 1993, в 1996 – открытое акционерное общество, и тогда мы понимали, что не выплачиваем. А они накапливались, потому что законодательство уже начало работать, и задолженность уже возникала. И тогда ментальность руководителей того периода, периода, скажем, «красных

директоров», была такова, что налоги – это что-то такое, что может и подождать. А когда эти налоги уже возникли, когда вторую часть, когда законодательство пересмотрели, когда в целом поставили вопрос: «А что дальше?», и когда мы увидели, что из налогов финансируется, другого финансирования нет, все, что вокруг нас, я имею в виду институты государственной власти – медицина, правоохранительные органы, суд, прокуратура и все эти вещи – что недоплата наших налогов разваливает качество нашей жизни, и потом пошло изменение. Во-первых, создали мощную команду, защитили эту статью. Уже, наверное, с года только 1996 эта статья стала защищенной. Первое – налоги, а потом там зарплата, электроэнергия и все остальное. Защищенность этой статьи появилась с изменением ментальности в целом промышленности, и в целом. Тогда еще и не было слова, что «бизнес-единицы», просто были промышленные предприятия. И потихоньку и создавались, и вышли на этот уровень, и стали платить. А тут только бы, как говорится, выправиться, а тут кризис, цена не позволяла – нефть покупали дешевле, чем минеральная вода. А потом, когда выправили, я же сейчас еще раз хочу повторить, в 2001 году мне принесли документ, подтверждающий, что мы рассчитались за все, включая тело задолженности по налогам и включая проценты. Это просто был процесс развития и создания налоговой системы, как налогового органа со стороны государства, и так как людей, которые платили. А что мы говорим о том, что оптимизация налогов? Вот тогда, когда мы ломали, поворачивали голову – все-таки налоги платить надо, в это время преподавали в институтах, что есть если не курс, то есть обязательная лекция «Оптимизации налогов», и правильно выплатить, при этом, не доплатив, считалось каким-то определенным искусством. Это тоже надо поломать, это не сразу поломали, и в целом развитие этой системы, оно же те 15 лет, они же перед нами, мы же помним то время, когда это все было. И на вопрос, почему это создалось – это исторически было так. Не было налоговой системы, не платили никогда предприятия налоги, и когда им сказали: «Надо заплатить», они не понимали, зачем и кому, и куда это идет, а пока это понимание шло, все накопилось. И потом уже Черномырдин, Лившиц чуть ли не в суточном режиме по телевидению говорили, кто, сколько заплатил и кто, сколько чего мог сделать. Это же тоже был тот период. А, конечно, осознание пришло, и культура бизнеса, культура экономического мышления поднялась до того, что налоги – это и есть жизнь государства, и это защищенная статья, а все остальное тоже защищенное – зарплата. А на это надо было время, а время дало такие результаты. Не происходит обучение и создание без потерь. Нам же не привезли готовую систему со всей ментальностью и сказали: «Вот», – и порядок, мы же все прошли именно через это. А сейчас же другое отношение, я так считаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: с учетом того, что Вы уже сообщили адвокату Мирошниченко, можете ли Вы подтвердить суду, что объем добычи «Юганскнефтегаза» с 1998 по 2003 годы вырос в два раза, с 25 до 50 миллионов тонн? Я округляю.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я, когда принял в 1998 году, было 25 миллионов добычи. Я не беру после запятой, может быть, 200 тысяч. Когда я уходил, было 50 миллионов 300 тысяч. За 5 лет мы в два раза подняли, и, Вы знаете, как бы это пафосно не звучало, но есть чем гордиться. Потому что «Сибнефть» на уровне нашем, Богданов, «Сургутнефтегаз», в первом этапе отставало. Он потом тоже вышел на эти уровни, и в целом по округу добыча поднялась на уровень, и округ бюджет получил уже достаточный, чтобы нормально было жить в городах, и это было успехом всего округа и всех нефтяников. Я думаю, и в целом по России и все остальные начали поднимать. Конкретно 25 я принял генеральным директором, и я уходил – 50 300 000.

Подсудимый Лебедев П.Л.: правильно ли я понимаю, что «Юганскнефтегаз» договоров с «Транснефтью» на транспортировку нефти до нефтеперерабатывающих заводов и морских терминалов не заключал в период с 1998 по 2003 года?

Свидетель Гильманов Т.Р.: мне кажется, эти договоры были уже подписаны в соответствии с генеральным соглашением.

Подсудимый Лебедев П.Л.: нет, я говорю, «Юганскнефтегаз» с «Транснефтью» договоров на транспортировку нефти до нефтеперерабатывающих...

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, на транспортировку не было. Мы никогда не платили за транспорт.

Подсудимый Лебедев П.Л.: и экспортных пошли не платили? То, что Вы говорили.

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, не платили. И сейчас не платим. Добытчики за транспортировку не платят.

Подсудимый Лебедев П.Л.: вопрос о выручке. Правильно ли я понимаю, что выручка, которую получал «Нефтегаз», как раз и формировалась в соответствии с условиями договоров по покупке-продаже нефти? То есть цена на объем перемножалась, и это была Ваша выручка.

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно. Это была выручка, выручка складывалась. Это было основанием для формирования в целом выручки и обоснованием финансовых платежей в мой адрес. Я каждый раз получал как бы подтверждение на основании итогового баланса, сколько я сдал, и я имел, что называется, моральное право компании сказать: «Я отгрузил столько нефти, у меня в бюджете стоит сколько нефти». Это было подтверждением того, что я должен получить столько нефти.

Подсудимый Лебедев П.Л.: скажите, пожалуйста, выставлялись ли счета за проданную нефть? И включался ли в эти счета – на оплату, я имею в виду – налог на добавленную стоимость?

Свидетель Гильманов Т.Р.: Вы знаете, я финансовыми операциями не занимался и не могу этого сказать. Это было финансовое управление. Не могу.

Подсудимый Лебедев П.Л.: вопрос по финансовой деятельности, если помните. Были ли случаи выплаты «Юганскнефтегазом» дивидендов из прибыли компании «ЮКОС» и другим акционерам за 1998-2003 год? И если можете, поясните, почему вся прибыль оставалась в распоряжении «Юганскнефтегаза». То есть, грубо говоря, вопрос: почему не выплачивались дивиденды?

Свидетель Гильманов Т.Р.: прежде всего баланс был утяжелен, он же исторически шел. Задолженности были, и прибыль формировалась, но она была незначительная. Была незначительная, потому что прибыль к распределению была незначительная. И практически я даже и не припомню, чтобы по акциям «Юганскнефтегаза» выплачивались дивиденды. Я этого не могу припомнить. А почему? По всей вероятности, совет директоров принимал решение прибыль отправить на развитие, та, которая все-таки формировалась, потому что был период становления, и всегда было достаточно напряженно. А то, что положено по Закону «Об акционерных обществах» наверное, делалось. Я сейчас не готов это комментировать, не помню деталей, но о выплате дивидендов по акциям «Юганскнефтегаза» я не помню.

Подсудимый Лебедев П.Л.: нет вопросов.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Вы рассказывали по поводу финансирования капитальных вложений в «Юганскнефтегазе» из прибыли и амортизации «Юганскнефтегаза». А в Вашем бюджете, есть такая статья «Инвестиции». Пожалуйста, припомните и расскажите суду, каким образом финансировались наиболее крупные проекты типа Приобского месторождения. Передавала ли компания какие-то средства материальные или финансовые на финансирование этих вложений?

Свидетель Гильманов Т.Р.: обустройство Приобского месторождения было выделено в отдельный проект. Необходимые затраты подсчитаны – и техсхемы по разработке, и программы по обустройству. Эти затраты шли к нам целевым назначением с компании, и затраты были очень значительными, потому что все Приобское месторождение, правый берег, находится в зоне затопляемой. Во время половодья все месторождение заливается водой, а это район нерестилища ценных осетровых рыб, и зона деятельности Приобского месторождения была распоряжением губернатора выделена как зона особого экологического действия. И до тех пор, пока мы не прошли экспертизу – а мы этим занимались 2 года – не получили одобрения экологической экспертизы, нам не разрешили

выходить на это месторождение. И мы там сделали несколько уникальных проектов. Мы первый раз в истории Западной Сибири провели нефтепровод для откачки нефти с месторождения туннельным методом. Мы не просто размывали дно и укладывали трубу – мы пробурили туннель, пригласили эту немецкую компанию и два нефтепровода протянули туннелем, только для того, чтобы защитить реку Обь, это где нерестуются ценные рыбы, от этого. Это стоило нам очень дорого. Это первое. Дороги были подняты на высоту практически 3 метра. Если смотреть, это практически как платформа: на высоте 3 метра идет дорога, и кусты, которые мы там, где бурили – а площадка, на которой бурят скважину, называется кустом – нам запретили бурить амбарное бурение. Мы все продукты бурения тут же вывозили и утилизировали на другую часть месторождения, на левый берег. Это тоже стоило очень дорого. Каждая скважина обеспечивалась контрольными скважинами: на глубине до 20 метров проверялось, нет ли там пятен углеводородов, и это велся мониторинг со стороны природоохранной прокуратуры. Это был дорогой проект. Мы для того, чтобы избежать негативных явлений в случае возможных порывов, мы закладывали трубу в тело дороги. Это было немножко рискованно с точки зрения эксплуатации как дороги, но с точки зрения подхода к порыву и скоростного ликвидации порыва это было новое качественное решение, и мы его закрепили в экологической экспертизе и сделали. Поэтому финансирование в целом, могу вспомнить затраты по последнему году, в 2003, потому что как бы уходил уже и как-то в памяти осталось – это было на уровне 16-20 миллиардов рублей. Мы вкладывали в капитальное строительство, и эти были инвестиции нам выделены компанией. Были выделены компанией, потому что без такого подхода нам бы не разрешили там работать. Более того, мы утилизировали шламы, мы построили специальную установку по утилизации шламов. Мы пригласили специализированную фирму и чистили эти буровые шламы. Но и требования, Вы знаете, мы вообще ввели какой-то такой, скажем, сами для себя повышенный стандарт. Выход на это месторождение считался определенной честью для бригад по ремонту скважин, для операторов. Да, это была небольшая дискриминация по старым регионам, где мы работали, но мы понимали: без такого подхода мы качественно шага, прежде всего в умах и в технологиях, не произведем. Это стоило дорогого, и мы вкладывали эти деньги, и мы успешно освоили это месторождение. Сегодня оно дает, одно месторождение дает до 20 миллионов в год. Это очень хорошее месторождение, и мы сделали очень много для этого. Так что то, что сегодня эксплуатирует «Роснефть», это хорошее месторождение. И большие были затраты.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Тагирзян Рахимзянович, в развитие этого вопроса я просил бы Вас сообщить суду, как обстояли дела с качеством освоения месторождений, с коэффициентом извлечения нефти, поскольку некоторые свидетели здесь, выступая в суде, говорили о том, что, возможно, капитальные вложения были не такими большими из-за того, что разработка месторождений велась варварским способом.

Свидетель Гильманов Т.Р.: Вы знаете, две вещи. В 2003 году меня пригласили на международную конференцию в Лондон по сервисным услугам по проблемам разработки, и там тоже выступил один сотрудник из России о том, что гидроразрывы пласта, которые проводила компания, это варварство. Я, конечно, встал, оппонировал, но самое было приятное, встал специалист из Американского института нефти и сказал: «Мы проверили это все, и коэффициент нефтеотдачи повысился». И выступление американского специалиста закончилось под аплодисменты. Это первое. Второе. Когда нам стало трудно жить после 2003 года, нам инкриминировали статью о том, что мы незаконно добыли нефти больше, чем было в лицензионных соглашениях – хотя я всегда считал, чем больше нефти, то тем лучше – и одна была с тем, что мы разубожили запасы. В рамках доказательной базы с нашей стороны я попросил, организовать компанию. Мы сделали, заказали работу – провести анализ разработки, анализ запасов, и есть официальные несколько томов, которые показывают, что ухудшения запасов, ухудшения запасов не произошло. Институт дал заключение, и эти результаты, они есть, и это было сделано на самом высоком научном уровне. Это делал институт государственный, это не было

ангажированной работой, потому что мы оплатили, и вроде нам чего-то там сделали. Это был государственный институт, он понимал меру ответственности. Институт сделал заключение. Мы дали 6 месторождений, в которых взяли больше нефти по количеству, и было сделано заключение, что запасы не были разубожены, не были. Есть заключение института – раз, и есть мнение экспертов о том, что нет, хотя существовала точка зрения. Но должен сказать, что, начиная года где-то с года 2005 эти все дискуссии прекратились, и методы гидроразрыва пласта используются везде, считается эффективным методом, только разный дизайн самого гидроразрыва, и сегодня уже благодаря этому методу по всему фонду прошлись, говорят, по второму кругу. Это очень эффективно и это дает хорошие результаты. Это как раз говорит о том, что мы извлекаем достаточно качественно, не оставляем там в земле, а берем качественно. В целом извлечение, оно же не выше, чем 52%, и благодаря этим технологиям, которые мы внедряли. Но надо сказать, в это же время точно такими же технологиями пользовался и «Сургутнефтегаз», и «Нижневартовскнефтегаз», и более того, мы встречались, проводили совместные технические конференции, как это делать грамотно и как это делать качественно, и поэтому это заявление о том, что варварские методы разработки, это неправильно. Коэффициент нефтеотдачи не упал, а увеличился на 2 единицы во втором знаке. Я помню выводы этого института.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: и последний мой вопрос связан вот тогда с чем. Вы когда давали показания, Вы говорили о том, что были дискуссии с налоговыми органами, в процессе работы, какие-то вопросы решались в нашу пользу, с какими-то вопросами шли в Арбитражный суд, там тоже где-то выигрывали, где-то проигрывали. А я вот что хочу уточнить: поскольку в данном суде разбирается вопрос о том, была ли нефть, добытая «Юганскнефтегазом», продана «Юганскнефтегазом» или она была у «Юганскнефтегаза» похищена, я прошу Вас уточнить и припомнить, в рамках этих разбирательств ставился ли вопрос о том, что нефть у «Юганскнефтегаза» похищена, и, соответственно, «Юганскнефтегаз» не должен платить налогов с того, что у него похищено? Или, наоборот, суды принимали решение о том, что нефть добытая «Юганскнефтегазом», реализована, и «Юганскнефтегаз» должен платить налоги на прибыль и все остальные налоги, которые положены при реализации нефти? Что Вы можете вспомнить на эту тему?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я считаю, что это проще сделать так. Было возбуждено уголовное дело в отношении меня, что предприятие «Юганскнефтегаз» не платило налоги, и обвинение было построено на теме, что вся нефть была продана, за всю нефть мы заплатили налоги, только разница в том, что по какой цене мы продали. И говорить о том, что какая-то часть нефти была куда-то непонятно куда, для меня это абсурд. Я уже сказал, что нефть невозможно потерять: или она на земле разлита – это авария, или она откачана в трубу. И я тогда задал вопрос в рамках следственных мероприятий: «Вся нефть была откачана, которую мы добыли?» – «Да, вся нефть». – «Что сегодня?» – «Вы продали по низкой цене, Вы продавали по низкой цене, и Вы заведомо закладывали в налогооблагаемую базу эти цены, низкие показатели». Речь не идет о потере нефти, речь не идет о том, что что-то было не откачано. Я уже говорил, вся информация в ЦДУ по объемам добычи и откачки и вся информация по каждой скважине, по каждому объекту разработки ежеквартально, ежегодно в рамках распоряжения Правительства докладывается в Комитет недропользования, там тоже все есть, поэтому это не стоит. По поводу цены. На вопрос мой в ходе суда и в ходе следственных мероприятий, по какой цене надо было продавать, я ответа не получил. «А что Вы считаете по маленькой или по большой цене? По цене мы продали, 1 200 рублей. А где большая или где меньшая цена?». Мне показали список, было проведено исследование. Исследование было проведено сотрудником МВД, и в исследовании было написано, ряд предприятий, 12 предприятий, где были разные цены. Мы при этом стояли где-то четвертыми-пятыми. После нас тоже были, у кого ниже цена, но были, и кто был выше ценой, и расхождения между нашей ценой, какой-то один период, они были незначительными. По 1 200 – я для модели сказал,

я не называю период, потому что уже деталей не помню – там было 1 600. Да, 400 рублей, вроде на 30%, можно о чем-то говорить. Я говорю: «А это что за цена?». Была цена очень высокая одна, я спросил: «А это что за аномальная цена? Они что, ее из озера качают, нефть? Как?». Это оказалась совсем небольшая партия, не более миллиона тонн нефти, и вся нефть шла за рубеж. Компании за рубеж всю нефть не удастся продать. Суметь продать в системе нашего трубопроводного транспорта всю нефть за рубеж невозможно. Это сейчас есть Балтийская трубопроводная система, это сейчас мы вышли в Тихий океан, работаем с Китаем. Тогда этого не было, и выйти на зарубеж было трудно. Эта компания, не знаю, каким образом – это не важно – продавала все за рубеж, и она показывала эту цену. Я говорю: «А зачем же Вы тогда вписываете в общую, в арифметическую? Сложили 12, сложили 12 цифр, разделили на 12 – получили средневзвешенную по региону. Так же нельзя. Вы возьмите мои 50 миллионов, возьмите этот миллион, и давайте пропорционально на тонну выведем». Нет, аргументации не последовало, это исследование легло в основу. Тогда я спросил: «А где я информацию эту могу взять?» – «Вот, она же у нас есть». Я говорю: «Посмотрите, что эта информация как? Она у Вас есть, выдана Вам по запросу Министерства внутренних дел». Не самого Министерства имеется, подразделения там по Уральскому округу или по Нефтеюганскому району, или по Ханты-Мансийскому. По запросу органов внутренних дел. И когда его выдали, я видел там подпись работника, которого я знаю, там гриф «Конфиденциально». Даже при исследовании, при запросе от органов внутренних дел, дали информацию, но при этом сказали: «Вы никому не имеете права отдавать». А как я, будучи руководителем предприятия мог узнать, какие цены вообще? Спрашивать о цене продажи продукции – это так же, как спросить: «А сколько Вы зарабатываете на моей же должности в другом регионе?». Так же никто не делает. Нигде не публиковалось, нигде не информировалось, постановления нет, биржи нет. Мы получали по той цене, по которой покрывались все мои затраты, и говорить, что эта цена низкая, и таким образом я занижал налогооблагаемую базу, я не могу. Нельзя меня признать человеком, сознательно занижавшим цену, потому что другой цены у меня нет, и как ее достать – тоже не у кого. И я, поэтому не признал себя виновным, но был осужден. Все это как бы процесс законченный, и слава Богу, но отвечая на вопрос, как можно судить, что по той цене или не по той цене у меня купили нефть то, что купили, следствие признало: «Да, нефть вся была откачана, да, нефть была вся продана. Но цену Вы занижали и в сговоре занижали». С кем сговариваться? Со своими сотрудниками? Не понимаю. Поэтому на вопрос, каким образом мы занижали базу или недооценивали нефть, я отвечаю: нам платили за нефть столько, сколько хватало для покрытия всех затрат, для развития, для обеспечения социального пакета нашего предприятия, и я поэтому считаю, что этой цены хватало. Центром прибыли, центром прибыли был холдинг, и это тоже нас устраивало, потому что инвестиции оттуда для развития месторождений именно с этой прибыли мы получали. Я как могу ответить на Ваш вопрос.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: у меня больше вопросов нет.

Подсудимый Лебедев П.Л.: скажите, пожалуйста, а налоговая инспекция была в курсе, что Вы налог с прибыли платите каждый год?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно. А как не платить, если он начислен? Если начислен, и более того, есть же, более того, даже авансовые платежи, и если б не заплатил, они же мне выставляют. Более того, они же выставляют даже сразу эти платежки даже без решения суда в банк, и банк имеет инструкцию Центробанка о том, что, прежде всего с моих счетов возьмут на налоги, а потом уже отдадут мне для производственной деятельности, для зарплаты.

Подсудимый Лебедев П.Л.: то есть в 2001 году, в 2002 и в 2003 «Юганскнефтегаз» ежегодно, ежеквартально платил налог с прибыли?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Судом объявляется перерыв.

14 часов 45 минут – судебное заседание продолжено.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – не явился.

Защитник Левина Е.Л. – явилась.

Защитник Москаленко К.А. – не явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – не явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – не явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – не явился.

Защитник Краснов В.Н. – явился.

Защитник Купрейченко С.В. – явился.

Защитник Липцер Е.Л. – не явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – явился.

Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б. – явилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.

Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.

Потерпевший Демченко В.М. – не явился.

Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.

Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.

Свидетель Гильманов Т.Р. – явился.

Остальные свидетели не явились.

Участники процесса надлежащим образом уведомлены о месте и времени проведения судебного заседания, суд не располагает сведениями о причинах их неявки.

Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: Тагирзян Рахимзянович, поясните, пожалуйста, Вы дали свои показания, что в «Юганскнефтегазе» ежегодно составлялся бюджет с росписью доходной и расходной части. И, по сути, в бюджете предусматривалась цена реализации продукции. Предусматривалась ли в бюджете запланированная прибыль компании, я имею в виду «Юганскнефтегаз»? В бюджете, прибыль.

Свидетель Гильманов Т.Р.: в сценарных условиях это не давалось. Я здесь говорил о сценарных условиях. Какие сценарные условия доводились, в сценарных условиях прибыль не доводилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: Вы заявили, что в ходе реализации продукции, товарной нефти, «Юганскнефтегаз» получал доходы, полностью покрывающие затраты, и формировалась прибыль, которая шла на социальные нужды, капитальные вложения. Уточните, действительно ли не хватало размера прибыли на выплату дивидендов акционерам «Юганскнефтегаза», до 2001 года, до перехода их на единую акцию? Не хватало ли прибыли для выплаты дивидендов?

Свидетель Гильманов Т.Р.: сейчас детально балансы итоговые того периода не помню, но прибыль была незначительная. Я не помню миллиардный оборот по прибыли, я помню, что прибыль была в пределах несколько там десятков миллионов, в пределах, скажем этого диапазона, двузначная цифра. И поэтому распределение прибыли, было рекомендовано решением совета директоров направить на развитие. Больших таких объемов, чтобы часть на развитие там, 50%, а часть к распределению – таких прибылей не было.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: а Вы сами не были акционером «Юганскнефтегаза»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: у меня были акции «Юганскнефтегаза».

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: то есть, Вы присутствовали на общих собраниях акционеров?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно. Более того, я делал доклад по результатам, итогам года, и по результатам этого доклада дальше шло обсуждение и принимались решения.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: меня интересует вопрос, до перехода на единую акцию акционеры не ставили вопрос о выплате дивидендов?

Свидетель Гильманов Т.Р.: акционеры не ставили вопрос, потому что был период, скажем, до 2001 года, когда, мы выплачивали достаточно большую задолженность, которая накопилась в результате нашей, скажем, изначальной политики, как только было организовано акционерное общество, а второе – кризис, во времена кризиса у нас была задолженность по зарплате два с половиной месяца, и при численности коллектива в сервисном блоке 16 000 человек, и в блоке добычи шесть, это были достаточно большие суммы, они шли на покрытие этой задолженности, мы считали для себя главной целью. Поэтому как бы период, выходили из кризиса, и говорить о том, что здесь получить дивиденды, тогда не было возможности.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: Вы ссылаетесь на кризис, а какой период времени Вы имеете в виду?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я имею в виду 1998 год, это было уже, в августе чувствовалось, что доходная часть не перекрывает расходную, и у меня в целом по предприятию выплаты по кредиторам снизились, у меня были достаточно большие долги по поставщикам

транспортных услуг. Именно этот период. Период, когда финансовый кризис произошел в целом, когда в шесть раз изменились курсовые позиции по доллару, и нефтяной кризис. И пока не восстановились цены, мы жили в таком дефиците. У нас практически была позиция не развалить производство и защищенные статьи закрыть. Поэтому еще даже 1999 год мы планировали в сценарных условиях всего 18 долларов за баррель как пессимистический вариант, и 22 доллара за баррель как оптимистический вариант. Очень скромные были бюджеты по доходной части. Рынок нефтяной еще тогда не поднялся.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: при формировании бюджета 1998-2003 год Вы исполняли обязанности генерального директора компании, да?

Свидетель Гильманов Т.Р.: не исполнял обязанности, а работал.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: работали, генеральным директором.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, генеральным директором.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: и были членом совета директоров.

Свидетель Гильманов Т.Р.: до 2001 года генеральным директором, а потом был управляющим, да, совершенно справедливо.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: с 1998 до 2001 года?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: генеральный директор и член совета директоров.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: при формировании бюджета ставили Вы вопрос об увеличении цены продажи, отсюда и прибыли, достаточной для выплаты акционерам дивидендов?

Свидетель Гильманов Т.Р.: так вопрос не ставился, что увеличение цены для реализации целей дивидендной политики. Ставился вопрос об увеличении финансировании нашей деятельности, но не с точки зрения ценовой политики, а с точки зрения, что в целом всегда как бы мы просили достаточно больше ресурсов, чем в итоге мы сходились в бюджетной окончательной росписи. Для реализации дивидендной политики так вопрос никогда не стоял.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: то есть, этот вопрос Вас не интересовал?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: из Ваших показаний следует, что «Юганскнефтегаз» являлся дочерним предприятием «НК «ЮКОС».

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: в соответствии со ст. 105 Гражданского кодекса Российской Федерации, Вы, очевидно, знаете, что материнская компания вправе давать дочерней обязательные для исполнения указания.

Свидетель Гильманов Т.Р.: не знаю, надо статью посмотреть.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: ст. 105, ч. 2 ГК РФ. Я не знаю, Вы в практике своей деятельности сталкивались? Или нет?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да. Я сейчас работаю в управляющей компании. И наши распоряжения являются обязательными. Я скажу так, что если это указание не приводит к негативным результатам и к банкротству. Если указания вышестоящей организации не приводят к банкротству.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: скажите, пожалуйста, давались ли «НК «ЮКОСом» или управляющими компаниями, в частности, «ЮКОС ЭП» «Юганскнефтегазу» такие обязательные указания относительно цены реализации, продажи добытой нефти?

Свидетель Гильманов Т.Р.: до нас доводилась цена. Если это считать указанием, то это указание. И если мы соизмеряли свой объем нефти, предполагаемый к отгрузке, и умножали на ту цену, которая была доведена до нас. Так и в бюджете была роспись, они тоже менялись поквартально в сторону увеличения, даже не могу прокомментировать, по какой логике, но это были не цены января, и до конца года одни. Уже в четвертом

квартале были другие. И если мы умножали предполагаемый объем выручки на цену, которую нам платила компания, и если мне не хватало, то тогда я ставил вопрос, но такой ситуации не было. Я бы поставил вопрос. Всегда объем выручки покрывал объем моих затрат, потому что прежде всего смотришь доходы, а расходы вверху в балансе, да, и ты видишь, если это сбалансированный бюджет, тогда нет у меня дефицита. А если он не сбалансирован, конечно, я ставил вопрос.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: Вы сослались, что цена до Вас доводилась. А в каких документах она доводилась до Вас, цена реализации?

Свидетель Гильманов Т.Р.: прежде всего, я говорил, в сценарных условиях, но это было чисто прогнозное, а конкретно доводилась в тех договорах купли-продажи, о которых я говорил, там объем прокачки, цена тонны нефти и стоимость этой тонны. В этих договорах приходили документы с ценой.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: скажите, пожалуйста, эти документы, имеется в виду, договоры купли-продажи, Вы воспринимали как указания, как обязательные для Вас указания? О цене продукции, о цене реализации продукции?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я не считал этот документ как указующий. Я считал их как, этот документ, процедурно необходимым для бухгалтерии, где бы посмотреть выручку и где бы посмотреть объем откачанной нефти. Объем откачанной нефти должен был биться с балансом товарным, исполнительным, а выручка должна была биться с бюджетом, с доходной частью бюджета. Мы его рассматривали как необходимый процедурно. Он нужен для ведения документооборота.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: правильно ли я Вас понял, что таких отдельных указаний по цене реализации продукции Вы не получали?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: как директор «Юганскнефтегаза».

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, отдельных каких-то приказов, «вам необходимо». Или пересчитать обратным ходом, или «Вам надо». Нет, это все шло так, в плановом порядке.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: Вы сейчас не помните, в устав «Юганскнефтегаза» вносились какие-то изменения о том, что материнская компания вправе давать «Юганскнефтегазу» обязательные для исполнения указания?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я думаю, это в договоре о передачи функций исполнительного органа, проговариваются эти статьи. Я думаю, что если посмотреть договор о передаче функций исполнительного органа, я думаю, это проговаривается там, думаю, не в уставе. В уставе – сама идея о возможной передаче исполнительного органа какому-то другому органу, а уже наполнение этого процесса, наверное, в этом договоре о передаче полномочий.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: уважаемый Тагирзян Рахимзянович, скажите, пожалуйста, Вы суду пояснили, что были осуждены.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: скажите, пожалуйста, по какой статье и к какому сроку лишения свободы?

Свидетель Гильманов Т.Р.: ст. 199, два года, с испытательным сроком двухлетним сроком. 04 февраля 2006 года.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: скажите, пожалуйста, это обстоятельство довлеет над Вами? Относительно того, что, может быть, какая-то обида на правоохранительные органы в связи с тем, что Вы ранее были осуждены, тем более, в рамках этого дела?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: то есть, Вы показания даете объективно?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я даю показания объективно, безусловно. И я могу промотивировать. Прежде всего, я прекрасно понимал, что тот большой процесс, который по делу «ЮКОСа» идет, что в этом процессе генеральные директора и руководители крупных добывающих подразделений не останутся в стороне, это было мне совершенно

понятно. По той или по другой статье, я понимал, что в этот процесс будем как-то втянуты. Следствие закончено, было два процесса, результат есть, и есть досрочное освобождение, есть решение Бутырского суда о снятии судимости, для меня это, что называется, лучше забыть, все забыто.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: Вы уточнили, по «ЮКОС РМ» дали подробные показания. Вы могли бы назвать фамилии руководителей в период с 1998 по 2003 год, кто руководил компанией ЗАО «ЮКОС РМ»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я знал там двух руководителей: Казакова Виктора Алексеевича в самом начале, а потом Бейлина Юрия Аркадьевича.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: это Вы про «ЮКОС ЭП» говорите.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, «ЮКОС ЭП».

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: а я спрашиваю про «ЮКОС РМ».

Свидетель говорил про эту организацию.

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, что существовала такая структура, которая профессионально занималась переработкой и сдачей нефти, продажей.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: да, и я у Вас уточняю, известны ли Вам руководители этой компании.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я сейчас не помню на память.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: потому что на следствии Вы конкретно называли Бычкова и Брудно.

Свидетель Гильманов Т.Р.: сейчас Вы назвали, да, эти были.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: Вам они известны?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, я знаю эти фамилии, они руководили этим подразделением.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: прошу представить свидетелю для обозрения том 146: л.д. 314 копию сообщения Гильманову Т.Р. от 04 марта 2007 года, 315-319 копию декларации Гильманова Т.Р.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Ибрагимовой Г.Б. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 146: л.д. 314 копию сообщения Гильманову Т.Р. от 04 марта 2007 года, 315-319 копию декларации Гильманова Т.Р.

Свидетель Гильманов Т.Р. обозревает том 146: л.д. 314 копию сообщения Гильманову Т.Р. от 04 марта 2007 года, 315-319 копию декларации Гильманова Т.Р.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: Вы подписывали эту декларацию?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: Вы с ней вообще были знакомы ранее?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: то есть, Ивлев Вам такого сообщения не направлял и приложения к этому сообщению не прикладывал?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я первый раз увидел этот документ у следователя в прошлом году, как я сейчас, по памяти, в марте месяце. Я этот документ до этого не видел.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: а в рамках какого дела Вы видели этот документ?

Свидетель Гильманов Т.Р.: там стоял вопрос так, что «ЮКОС» подписал мировое.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: в рамках какого дела, в отношении Ходорковского и Лебедева или по другому делу уже, по Вашему там или еще по какому-нибудь?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, обсуждалась только тема, что я принимаю участие в подписании мирового соглашения.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: Вас вызывали на допрос в качестве свидетеля?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: и по какому делу?

Свидетель Гильманов Т.Р.: не помню, давайте в протоколе посмотрим.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: и что дальше?

Свидетель Гильманов Т.Р.: и я этот документ не видел, там была заявлено, что я выступал в суде, я в суде не был, в заседании суда не принимал участия, эти документы не видел. И не знаю, насколько убедил следователя, я сумел ему показать по оборотам, которые там фигурируют, что это не мои обороты, это не моя терминология, этот документ я не составлял.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: то есть, до настоящего судебного заседания Вы с этим документом были знакомы?

Свидетель Гильманов Т.Р.: был знаком. У следователя.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: л.д. 315-319, конкретно 318 лист, пункт 17: «Юганскнефтегаз» является открытым акционерным обществом, его акции открыто продаются на российском фондовом рынке. До начала арбитражного разбирательства «ЮКОС» никогда не владел более чем 40% акций «Юганскнефтегаза», хотя впоследствии «ЮКОС» стал крупнейшим акционером «Юганскнефтегаза» и на сегодняшний день владеет более 90% акций «Юганскнефтегаза», а «Юганскнефтегаз» имеет более 21 000 других акционеров». Скажите, пожалуйста, этот пункт соответствует действительности?

Свидетель Гильманов Т.Р.: не могу уверенно сказать.

Подсудимый Лебедев П.Л.: какое это имеет отношение к делу?

Свидетель Гильманов Т.Р.: структуру капитала я не контролировал. Для меня это было непринципиально.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: пункт 21: «Таким образом, я заявляю, что «Юганскнефтегаз» является крупным, значительным и самостоятельным юридическим лицом, он в состоянии выполнить свои обязательства, когда придет время платить по ним, и нет никаких оснований не признавать его корпоративной формы». Этот пункт соответствует действительности, что «Юганскнефтегаз» является крупным, значительным и самостоятельным юридическим лицом?

Свидетель Гильманов Т.Р.: в протоколе допроса есть ответ на этот вопрос. Мой ответ таков: да, я способен оплачивать контракты в рамках моей доверенности до миллиона долларов. Для этого мне не нужно согласовывать в управляющей компании. И я ответил – в этой части и в рамках своей доверенности, мы самостоятельное юридическое лицо, у меня такие полномочия были. В рамках моей доверенности. И этот ответ есть в протоколе допроса.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: поскольку Вы у нас не допрашивались в суде, мы не могли его исследовать без Вашего участия. Поэтому я сейчас о нем и не говорю. 19 пункт: «Корпоративные документы «Юганскнефтегаза», такие, как протоколы, решения хранятся в Нефтеюганске, в офисе «Юганскнефтегаза». Насколько я знаю, корпоративные документы «ЮКОСа» хранятся в его офисе в Москве». Этот пункт соответствует действительности, относительно того, где хранятся документы?

Свидетель Гильманов Т.Р.: у меня был отдел по работе с акционерами, и в этом отделе свой документооборот был. Мы делали извещения о годовых собраниях, мы делали

изменения, оповещали о каких-то изменениях возможных в нашей деятельности, наиболее значимых, которые законом обязывает нас такую форму отношений с акционерами, а где хранились документы, я даже и не знал.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, я прошу такого рода вопросы все-таки корректировать, поскольку свидетель ответил, что он этого документа не подписывал, и задавать ему вопросы по пунктам документа, к которому он отношения не имеет, соответствует ли это действительности, в который раз, такого рода вопросы надо снимать. Иначе мы ему что – все будем дело показывать и рассказывать, спрашивать его мнение, соответствует ли это действительности? Это вопрос, если бы он подписывал этот документ, то тогда можно было бы ему вопросы именно в такой редакции задавать. А он его не подписывал и его не готовил, то почему ему-то в такой редакции вопросы задаются?

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: прошу представить свидетелю для обозрения том 99 л.д. 116-117 копию сообщения Амирян Наталии от 30 октября 2001 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Ибрагимовой Г.Б. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 99 л.д. 116-117 копию сообщения Амирян Наталии от 30 октября 2001 года.

Свидетель Гильманов Т.Р. обзывает том 99 л.д. 116-117 копию сообщения Амирян Наталии от 30 октября 2001 года.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я такого сообщения не получал.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, я заранее прошу предупредить, чтобы свидетеля не использовали в качестве эксперта и специалиста по оценке сведений, которые сообщают в своей переписке третьи лица.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: дело в том, что Ивлев это направляет другому лицу. Поскольку Вы являлись руководителем «Юганскнефтегаза» и речь идет о «Юганскнефтегазе», лучше Вас ситуацию с «Юганскнефтегазом» кто-нибудь еще знает? Вы столько лет в нем проработали. К непосредственному руководителю у меня и имеются вопросы. Скажите, пожалуйста, значит, в 1999 и в 2000 годах, здесь разбивка, Ваша честь, идет с 1995 по 2000 год, но у меня вопрос конкретно, 1999-2000 год. Если взять 1999-2000 год, соотношение цены «Юганскнефтегаза» с ценой на российском рынке в 1999 году составляло 54,7%, в 2000 – 56,9. По сравнению с другими годами, очень низкие цены. Потому что в 1998 она составляла 84,3. И если мы возьмем разницу между ценой на мировом рынке или на российском рынке, за 1999 она составляла 2 027 рублей за тонну, и в 2000 – 3 075. Скажите, пожалуйста, Вы каким-то образом можете пояснить эту ситуацию? Еще я не сказала, соотношение цены «Юганскнефтегаза» с мировыми ценами в процентах. В 1999 году оно составляло 12,7%, в 2000 – 16,7. Если мы возьмем показатели 1998, то такой показатель, соответственно, был 22,75 в 99-м, и соотношение цены «Юганскнефтегаз» с мировыми представляло 78,6%.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Ваша честь, я просил бы все-таки попросить уважаемого государственного обвинителя подкорректировать утверждение, что

соотносятся вот так мировые цены с ценой «Юганскнефтегаз». Я бы хотел просто, чтобы при задании вопроса утверждение о том, что именно такие были цены на российском рынке и на мировом рынке, Вы бы все-таки как-то скорректировали. Потому что это неочевидно.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: в связи с чем такие низкие цены, и вообще, кто определял цены продажи? 1999-2000 год.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я не занимался продажей нефти, поэтому анализом цен, как на мировом рынке, так на российском, как сказано в этом документе, рынке я не занимался. Это не тема моей деятельности, и меня этот вопрос не интересовал. Хотя я понимаю, что открывая любую страницу поисковую в Интернете или страницу деловой газеты – «Ведомости», «Коммерсант» – эти цифры есть, вольно, невольно ты как-то их видишь. Но анализ, как они соотносятся, как они в динамике развиваются, я этим не занимался, это не сфера моей деятельности. Это первое. Второе. Здесь говорится о ценах российского рынка. Я не понимаю этот термин. Не было цен российского рынка, поскольку этого рынка нет. И там те цифры, которые приведены, которые приведены, я не понимаю, из какого источника. Если нет ссылки на авторитетный источник, я считаю, что это утверждение просто голословное. И третье, цены того периода, 2000 год, я помнить не могу, по какой цене мы продавали.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: меня интересует период 1999 и 2000 года. Если взять пакет акций «Юганскнефтегаза», то Вы можете пояснить суду, в процентном соотношении, какой долей владел «ЮКОС», акциями «Юганскнефтегаза»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: не могу об этом сказать, это для меня совершенно неважный вопрос.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: для Вас неважный, а нас интересует.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я не знаю эту цифру.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: что-то можете пояснить по другим дочерним предприятиям? Тоже не знаете?

Свидетель Гильманов Т.Р.: каким дочерним?

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: имеется в виду «Самаранефтегаз», «Томскнефть». Дочерние предприятия «ЮКОСа».

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, не знаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: прошу представить свидетелю для обозрения том 53: л.д. 168 копию договора купли-продажи нефти № 61/Ю-21/612 от 31 января 1999 года, л.д. 169 копию договора купли-продажи нефти № 62/Ю-21/612 от 15 февраля 1999 года, л.д. 170 копию договора купли-продажи нефти № 64/Ю-21/612 от 15 марта 1999 года, л.д. 173 копию договора купли-продажи нефти № 65/Ю-21/612 от марта 1999 года, л.д. 174 копию договора купли-продажи нефти № 66/Ю-21/612 от апреля 1999 года, л.д. 177 копию договора купли-продажи нефти № 67/Ю-21/612 от 01 мая 1999 года, л.д. 178 копию договора купли-продажи нефти № 68/Ю-21/612 от 15 мая 1999 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Ибрагимовой Г.Б. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 53: л.д. 168 копию договора купли-продажи нефти № 61/Ю-21/612 от 31 января 1999 года, л.д. 169 копию договора купли-продажи нефти № 62/Ю-21/612 от 15 февраля 1999 года, л.д. 170 копию договора купли-продажи нефти № 64/Ю-21/612 от 15 марта 1999 года, л.д. 173 копию договора купли-продажи нефти № 65/Ю-21/612 от марта 1999 года, л.д. 174 копию договора купли-продажи нефти № 66/Ю-21/612 от апреля 1999 года, л.д. 177 копию договора купли-продажи нефти № 67/Ю-21/612 от 01 мая 1999 года, л.д. 178 копию договора купли-продажи нефти № 68/Ю-21/612 от 15 мая 1999 года.

Свидетель Гильманов Т.Р. обзрывает том 53: л.д. 168 копию договора купли-продажи нефти № 61/Ю-21/612 от 31 января 1999 года, л.д. 169 копию договора купли-продажи нефти № 62/Ю-21/612 от 15 февраля 1999 года, л.д. 170 копию договора купли-продажи нефти № 64/Ю-21/612 от 15 марта 1999 года, л.д. 173 копию договора купли-продажи нефти № 65/Ю-21/612 от марта 1999 года, л.д. 174 копию договора купли-продажи нефти № 66/Ю-21/612 от апреля 1999 года, л.д. 177 копию договора купли-продажи нефти № 67/Ю-21/612 от 01 мая 1999 года, л.д. 178 копию договора купли-продажи нефти № 68/Ю-21/612 от 15 мая 1999 года.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: назовите, пожалуйста, цену за тонну нефти, указанную в этих договорах.

Свидетель Гильманов Т.Р.: 208,40 рублей.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: Вы можете каким-то образом пояснить, почему такую сумму составляла эта цена? Вы нам подробно рассказали, что Вы знаете о ценах, и так далее.

Свидетель Гильманов Т.Р.: почему именно 208, и не больше, и не меньше?

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: да.

Свидетель Гильманов Т.Р.: в это время хватало 208 рублей за тонну, чтобы покрыть все затраты и решить все вопросы по бюджету.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: скажите, пожалуйста, а Вы сами какое-то участие принимали в решении именно такой цену, установлении такой цены?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, цену мы не формировали. Формирование цены – это была прерогатива управляющей компании.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: а каким образом рассчитывалась, и более подробно, Вы этим не интересовались, Вы говорите, прерогатива...

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, какова формула цены, нет. Я говорил и еще раз повторю, если мы цену умножали на предполагаемую плановую выручку, объем прокачанной нефти, и этой выручки хватало сбалансировать бюджет по доходам, расходам – вопросов не было.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: эти договоры, которые я Вам предъявила, Вы подписывали?

Свидетель Гильманов Т.Р.: здесь в одном договоре не моя подпись, на л.д. 170, хотя записан я, но подписался не я.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: а кто, Вы не знаете?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, не знаю, не могу сказать.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: до этого Вы говорили, что Ваш зам иногда подписывал за Вас.

Свидетель Гильманов Т.Р.: что?

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: до этого, вопрос защиты, Вы говорили, что иногда зам подписывал.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, иногда зам подписывал. А здесь подпись я как бы ставлю под сомнение, две подписи, а есть подпись, которая, не моя, л.д. 171. Л.д. 173-й – это подпись моя. Я могу, более уверенно. А те, предыдущие подписи, которые я говорил, нет двух элементов моей подписи, поэтому я ставлю их под сомнение.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: прошу представить свидетелю для обозрения том 64 л.д. 197-215 копию протокола № 1 внеочередного общего собрания акционеров ОАО «Юганскнефтегаз» от 30 марта 1999 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Ибрагимовой Г.Б. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 64 л.д. 197-215 копию протокола № 1 внеочередного общего собрания акционеров ОАО «Юганскнефтегаз» от 30 марта 1999 года.

Свидетель Гильманов Т.Р. обозревает том 64 л.д. 197-215 копию протокола № 1 внеочередного общего собрания акционеров ОАО «Юганскнефтегаз» от 30 марта 1999 года.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: вопрос буден задан по п. 6. «Об одобрении сделок, совершенных в процессе осуществления текущей производственно-хозяйственной деятельности между ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Томскнефть».

Подсудимый Лебедев П.Л.: там «ЮКОС» слово написано. Ваша честь, она лжет, потому что в документе написано, соглашение между «Юганскнефтегазом» и ОАО «НК «ЮКОС».

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: тогда прочистите уши, потому что я сказала «ЮКОС».

Председательствующий: прошу участников процесса воздержаться от высказываний подобного рода.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: Вы участвовали в этом собрании?

Свидетель Гильманов Т.Р.: думаю, что да. Это список выбранных, а не участвующих. Но я думаю, да.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: скажите, пожалуйста, при одобрении сделок купли-продажи нефти «ЮКОС» выступал как заинтересованное лицо?

Свидетель Гильманов Т.Р.: это вопрос юристов. Это тонкость юридическая.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: Вы не можете ответить на этот вопрос?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я на этот вопрос ответить не смогу, поскольку это не мною изучаемая тема.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: Вы, как руководитель «Юганскнефтегаза», на собрании вообще касались этой темы, о том, что заинтересованное лицо, конкретно идет речь о «ЮКОСе», не должен принимать участие в голосовании по данному вопросу?

Свидетель Гильманов Т.Р.: думаю, что нет.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: Вы поднимали вопрос, как руководитель «Юганскнефтегаза», я перефразирую, настаивали на том, чтобы за одобрение сделок купли-продажи нефти голосовали только незаинтересованные акционеры?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, я прошу вопрос снять, на собрании акционеров вопрос о заинтересованности вообще не обсуждался, и госпожа Ибрагимова, как всегда, вводит как суд в заблуждение, так и свидетеля. Более того, по тому вопросу, по которому она зачитала, она не зачитала мнения иных лиц, которые там были высказаны. Таким

образом, вопрос, который содержится, о заинтересованности, да, данного предмета, это ее пока собственная выдумка и мнение некоторых товарищей.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Ваша честь, и я хотел бы еще на один момент обратить внимание. Я, естественно, не возражаю против того, чтобы у уважаемого свидетеля спрашивали о том, какое мнение высказывал на этом собрании как акционер, поскольку он сказал, что он был акционером «Юганскнефтегаза», но я хотел бы обратить внимание, что у управляющего «Юганскнефтегаза» по доверенности, или даже у человека в должности генерального директора полномочий на собрании акционеров нет. Поэтому настаивать на чем-то как акционер он мог, и в этой трактовке я не против вопрос, а как генеральный директор – нет.

Свидетель Гильманов Т.Р.: насколько я понял из того материала, что Вы мне показали, и как Вы сформулировали вопрос, на заседании совета директоров юрист прокомментировала членам совета директоров о том...

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: как фамилия юриста?

Свидетель Гильманов Т.Р.: Бахмина. Прокомментировала, что эти сделки по полномочиям совета директоров не должны приниматься. И этот вопрос должен приниматься на собрании акционеров. И, как я помнил из протокола собрания акционеров, этот вопрос прозвучал, прозвучало обсуждение, и итогово было положительное голосование, и эти сделки были признаны законными. Вот и все.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: скажите, пожалуйста, по п. 8. Вы можете подтвердить, Вы сталкивались с таким вопросом?

Свидетель Гильманов Т.Р.: не помню.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: Вы лично видели оценку стоимости нефти, сделанную оценщиком?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, стоимость оценки нефти как таковой не делается. Делается стоимость запасов. Что нефть сегодня столько, завтра столько, разные регионы, разные предприятия. Оценки такой стоимости не существует. Не видел. И думаю, что такой оценки нет.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: скажите, пожалуйста, а Вы когда-нибудь в ходе своей работы, когда Вы возглавляли «Юганскнефтегаз», сталкивались с заключением об оценке нефти, сделанным обществом с ограниченной ответственностью «Независимое агентство оценки» под руководством Данилина? Насколько нам известно, это по запросу «ЮКОС» была проведена. Заказчик ОАО «НК «ЮКОС», Москва, 1997 год.

Свидетель Гильманов Т.Р.: не сталкивался с этим документом, и я Вам уже сказал перед этим, что я считаю, что такую оценку, оценку нефти как товара, не делается.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: а вот «ЮКОС»...

Свидетель Гильманов Т.Р.: это многофакторный вопрос.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: а «ЮКОС», например.

Свидетель Гильманов Т.Р.: чьей нефти, где добытой?

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: заказал выполнить заключение о соответствии стоимости имущества – сырой товарной нефти, реализуемой дочерними обществами ОАО «НК «ЮКОС» основному обществу ОАО «НК «ЮКОС», рыночной стоимости имущества – сырой товарной нефти. То есть, Вы настаиваете на своем ответе?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я не знаю об этой оценке.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: поскольку возникли сомнения о том, что на следствии Тагирзян Рахимзянович говорил о том, что давал показания относительно Бычкова и Брудно, в таком случае я ходатайствую об оглашении его показаний на следствии. Том 47 л.д. 57-60 копия протокола допроса свидетеля Гильманова Т.Р. от 26 декабря 2006 года. Насколько я поняла свидетеля, что он не помнит об этих обстоятельствах, он слышал только о фамилиях. А в ходе следствия он говорил конкретно. В отношении этого вопрос Тагирзяну Рахимзяновичу. Скажите, пожалуйста, Вы назвали фамилии, Бычков Николай Викторович и Брудно Михаил Борисович. Скажите,

пожалуйста, когда они каждый в свой период руководил «ЮКОС РМ», Вы с этими руководителями обсуждали вопросы по сдаче нефти в систему ОАО АК «Транснефть»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: противоречие. Надо оглашать, я говорю.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я хочу уточнить. Во-первых, Вы назвали эти фамилии, просто мне напомнили. Я их не называл.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: я заявляю ходатайство об оглашении. Во-первых, поскольку свидетель отрицает, что он говорил такие показания на следствии, но в последующем, когда ему был задан вопрос, он сказал, что только помнит эти фамилии, что, действительно, он возглавлял. Когда более детально я спросила о том, какие вопросы обсуждались, и конкретно задала, по какому вопросу он общался, он сказал: «Нет», хотя на следствии он очень подробно об этом говорил.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: поддерживаю.

Защитник Ривкин К.Е.: Ваша честь, если я правильно понял, заявлялось к оглашению три страницы, это весь протокол.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: нет, л.д. 60, в части противоречий. В этой части, я думаю, что на усмотрение суда, хотя не вижу необходимости особой.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я возражаю, несмотря на позицию защиты. Оснований, оснований для того, чтобы делать такие заявления о существенных противоречиях, а только такое основание предусматривает закон, Вам не приведено. Учитывая Вашу практику помогать прокуратуре оглашать все, что ей захочется, я понимаю.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: на усмотрение суда.

Защитник Левина Е.Л.: на усмотрение суда.

Защитник Терехова Н.Ю.: на усмотрение суда.

Защитник Краснов В.Н.: на усмотрение суда.

Защитник Купрейченко С.В.: на усмотрение суда.

Защитник Мирошниченко А.Е.: на усмотрение суда.

Суд,

Постановил:

Суд, выслушав мнения участников процесса, удовлетворяет ходатайство государственного обвинителя Ибрагимовой Г.Б. о частичном оглашении тома 47 л.д. 57-60 копии протокола допроса свидетеля Гильманова Т.Р. от 26 декабря 2006 года, в части свидетельских показаний в отношении Бычкова и Брудно на л.д. 60.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б. частично оглашает том 47 л.д. 57-60 копию протокола допроса свидетеля Гильманова Т.Р. от 26 декабря 2006 года (л.д. 60).

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: Вы подтверждаете свои показания в этой части?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да. Прежде всего, я подтвердил, что я этих людей знаю, когда мне напомнили фамилии. Второе. Эти показания имели место, и я в этих показаниях говорил, что я общался с руководителями «ЮКОС РМ» в том случае, когда у меня возникали вопросы по прокачке нефти. В первой части нашего заседания я говорил, что периодически меня ограничивали по откачке, это всегда было для меня угрозой переполнения товарного парка или вынужденного снижения добычи. Безусловно, по вопросам прокачки нефти я с этими людьми общался, и решал с ними вопросы. Когда прозвучала тема, обсуждал ли я ценовые вопросы, я и тогда, и сейчас говорю, ценовые вопросы я не обсуждал. Эта тема была мне не нужна.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: Ваша честь, я хотел бы уточнить у свидетеля, вероятно, он неправильно понял вопрос, который задал мой коллега Ибрагимов. Вам был задан вопрос в связи со ссылкой на протокол общего собрания акционеров «Юганскнефтегаза», где перед акционерами ставился вопрос о привлечении оценщика для оценки нефти. Вопрос стоял не об оценке всей нефти, которую добывал

«Юганскнефтегаз», а об использовании услуг оценщика при определении цены нефти по конкретным сделкам, на какой-то конкретный период времени. Этот вопрос о привлечении оценщика стоял на общем собрании акционеров?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, там об оценке не было в протоколе. Было по зависимым сделкам.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: да.

Свидетель Гильманов Т.Р.: но не об оценке.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: прошу представить свидетелю для обозрения том 64 л.д. 197-215 копию протокола № 1 внеочередного общего собрания акционеров ОАО «Юганскнефтегаз» от 30 марта 1999 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Ибрагимовой Г.Б. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 64 л.д. 197-215 копию протокола № 1 внеочередного общего собрания акционеров ОАО «Юганскнефтегаз» от 30 марта 1999 года.

Свидетель Гильманов Т.Р. обозревает том 64 л.д. 197-215 копию протокола № 1 внеочередного общего собрания акционеров ОАО «Юганскнефтегаз» от 30 марта 1999 года.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: то есть, шел вопрос о конкретных сделках.

Свидетель Гильманов Т.Р.: по 6 пункту, об одобрении сделок. Здесь говорится без конкретизации, какие сделки.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: по 8 вопросу, это л.д. 208. Из протокола общего собрания акционеров, здесь выступил один из акционеров, Джозеф. Он отметил, что он будет голосовать против принятия этого решения об одобрении крупной сделки, так как не была проведена профессиональная оценка стоимости нефти, по его мнению, цена нефти занижена. То есть, здесь речь идет о конкретных сделках, где была занижена цена нефти. То есть, шел вопрос о привлечении все же независимого оценщика. Если свидетель помнит, вставал или нет, этот вопрос?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, этого нет в протоколе, я не понимаю, что происходит.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: на общем собрании, или не вставал?

Подсудимый Лебедев П.Л.: в протоколе нет вопросов о привлечении какого-либо оценщика. Этого просто нет в протоколе.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: в протоколе записаны выступления акционеров.

Подсудимый Лебедев П.Л.: дело в том, что, Ваша честь, я не понимаю, что происходит. В повестке дня вопросов, обсуждаемых на собрании акционеров, она объявляется всем акционерам до, это закон. И эта повестка излагается в протоколе собрания акционеров. Мнение, которое высказывает акционер, не является предметом рассмотрения. Это всего лишь мнение. Акционеры на собрании занимаются всего лишь одним – голосуют. И могут высказывать мнения. Поэтому я не понимаю, что пытается сейчас Смирнов навязывать свидетелю по предмету, который на собрании акционеров даже не рассматривался.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я о том, что стоял этот вопрос, не стоял вопрос, помню, это 1999 год. Но по представленным документам, вопрос был поставлен, были высказаны разные мнения, итоговое голосование признало решения законными, и проголосовало «за».

Судом объявляется перерыв.

15 часов 50 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: проводились ли аукционы по продаже нефти «Юганскнефтегаза»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: аукционы проводились, нам отправлялись отчеты с результатами аукционов, но мы не участвовали в них. Я ни в одном аукционе не участвовал, и даже не знаю, где это проходило.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: а с какого года они проводились, не помните?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я знаю, вот последние годы, это 2002, 2003 год, проводились, потому что были публикации в газете о проведении аукционов, и были условия аукционов. Нам приходили просто протоколы результатов окончательных аукционов.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: а Вы можете указать цель проведения этих аукционов?

Свидетель Гильманов Т.Р.: цель – чтобы зафиксировать продажи, сделки. Продать и зафиксировать эту продажу.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: а Вы можете сказать, какие компании участвовали в этих аукционах?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, не знаю, поскольку я не участвовал и я не могу прокомментировать это.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: у меня все, спасибо.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а что-либо от кого-либо из сотрудников ОАО «НК «ЮКОС», других дочерних компаний, дочерних компаний ОАО «НК «ЮКОС», Вы слышали о проведении этих аукционов?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: кто-либо из Вашего окружению, в том числе от других генеральных директоров добывающих компаний, Вы слышали о том, об обстоятельствах проведения этих аукционов?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, никогда мы эту тему не обсуждали.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: от сотрудников «Юганскнефтегаз» слышали или нет?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: об обстоятельствах проведения?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: известно ли Вам было, что в этих аукционах участвуют только компании, зависимые от ОАО «НК «ЮКОС»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я не знаю, какие компании участвовали, и не могу говорить, зависимые или независимые. Об аукционах в нашей газете публиковалось объявление о проведении аукционов, и все.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: как Вы относитесь к такой ситуации, что в этих аукционах участвовали только компании, зависимые от ОАО «НК «ЮКОС»?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: скажите, пожалуйста, Вы с какого времени занимали должность генерального директора ОАО «Юганскнефтегаз»? До сентября 1998 года Вы исполняли обязанности генерального директора ОАО «Юганскнефтегаз» либо какого-либо руководителя ОАО «Юганскнефтегаз»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: Вы знаете, я уже сказал, что для меня это было не принципиально. И, кстати, я эти записи увидел в своей трудовой книжке только тогда,

когда уходил, увольнялся. Я еще удивился, что временами я был таким. Наверное, меня знакомили, но для меня это было не принципиально.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я Вас сориентирую немножко: до создания управляющей компании Вы являлись руководителем, в том числе генеральным директором, ОАО «Юганскнефтегаз»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: какой управляющей компании?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: до появления управляющей компании, «ЮКОС ЭП».

Председательствующий: речь идет о 2001 году?

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: 1998.

Подсудимый Лебедев П.Л.: а какой управляющей компании?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: для «Юганскнефтегаза» управляющей компанией какая компания являлась?

Свидетель Гильманов Т.Р.: ЗАО «ЮКОС ЭП».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: для «Юганскнефтегаз» управляющей компанией стало ЗАО «ЮКОС ЭП», Вы являлись руководителем «Юганскнефтегаз», генеральным директором либо руководителем «Юганскнефтегаз»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, прошу вопрос снять.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я уже по-другому переформулировал.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, я прошу такого рода вопросы снимать, поскольку мы уже изучали и вдоль и поперек исследовали документ, что до 1998 года управляющей компанией для «Юганска» была сама компания «ЮКОС», а потом стала компания ЗАО «ЮКОС ЭП». Поэтому эти одни и те же вопросы на непонятные темы, несмотря на то, что в деле присутствуют документы, которые они уже сами оглашали. Я не понимаю, чего они хотят сейчас выжимать из свидетеля.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я продолжаю вопросы по этой теме, которые мне не дают задавать в этом судебном заседании. Свидетель, скажите, пожалуйста, до того как для «Юганскнефтегаз» управляющей компанией стало «ЮКОС ЭП», кто определял объем поставок, цену продажи нефти в ОАО «Юганскнефтегаз»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: цену поставок нефти определяла компания «ЮКОС», а объем поставок, он как бы вытекал из объема добычи. Это чисто технологическое решение. Объемы добычи нам доводились тоже компанией «ЮКОС», а потом мы их просчитывали, обосновывали, и это входило в бюджетную позицию, как производственные показатели.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: конкретизируйте, пожалуйста, какое подразделение и кто конкретно из сотрудников ОАО «НК «ЮКОС» определял эту цену?

Свидетель Гильманов Т.Р.: не могу ответить на этот вопрос, не знаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и подразделение не помните?

Свидетель Гильманов Т.Р.: не знаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а это подразделение ОАО «НК «ЮКОС» сотрудничало по поводу определения цены продажи нефти, с каким подразделением ОАО «Юганскнефтегаз»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: сотрудничало?

Свидетель Гильманов Т.Р.: в «Юганскнефтегазе» вопрос цены никто не вел, и поэтому с кем-то на эту тему, как вопрос цены, не сотрудничали.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а соответствовало ли действительности, что ОАО «ЮКОС» приобретает и покупает нефть у Вашей компании «Юганскнефтегаз» по внутрикорпоративным трансфертным ценам, а фактически потом продает ее по мировым ценам? Что Вам известно по поводу этого факта?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я не могу сказать, по каким другим ценам они продавали, потому что это тема не нашей деятельности.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и Вы не интересовались спецификой ценообразования в дальнейшем у тех компаний, которые покупали нефть у Вашей компании?

Свидетель Гильманов Т.Р.: во-первых, не знаю...

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: будучи ответственным генеральным директором и будучи ответственным за права акционеров «Юганскнефтегаза». Или Вы не были ответственным директором и самостоятельным директором? И Ваши функции заключались только в подписании договоров купли-продажи нефти и других документов, которые спускались Вам с управляющей компании?

Подсудимый Ходорковский М.Б.: я просил бы в части утверждений государственного обвинителя, что Тагирзян Рахимзянович, как генеральный директор, нес ответственность перед акционерами «Юганскнефтегаза», снять, потому что об этом Тагирзян Рахимзянович не говорил, и когда он называл свои должностные обязанности, в перечне его должностных обязанностей решение вопросов с акционерами «Юганскнефтегаза» он не называл. В общем-то, по вполне естественным причинам.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: но есть еще устав акционерного общества, кроме регламентов и разработанных Ходорковским должностных обязанностей. Навязанных генеральным директорам добывающих компаний. Я задал вопрос по поводу того, интересовался ли он.

Свидетель Гильманов Т.Р.: по поводу того, кто покупал, какие компании, и как им определялась цена, я уже отвечал и сейчас отвечаю: я не знал, кому продавалась нефть, в аукционах не участвовал, и мы никогда не влезали в дела продажи нефти и продажи нефтепродуктов. Есть четкая и понятная задача – добыча нефти, этим занимаются регионы. По поводу того, что насколько ответственно я вел дела, только подписывал нефть, я Вам сказал, что я организовывал процесс добычи в целом регионе, и мы прирастали по производству каждый год по 20%. Это была моя основная функция, и я ее выполнял, на мой взгляд, достаточно уверенно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и Вы считаете, этого было достаточно? Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а в каких случаях проданная нефть, проданная ОАО «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» нефть, шла, соответственно, на экспорт, в дальнейшем реализовывалась на экспорт, а какая часть на переработку?

Свидетель Гильманов Т.Р.: на расширенных заседаниях правления, о которых я говорил, когда говорили в целом о доле продажи на экспорт, цифры назывались. Это цифры были на уровне так, 30%, тридцати, может быть, пяти процентов, и в дальнейшем эти доли росли. Мы считали для себя это достаточно выгодным, потому что мы понимали, что продажа на экспорт дает большую выручку, и если подразделение «РМ» сумело в условиях конкретной существующей системы трубопроводного транспорта порешать и заключить контракты большего объема, большей доли продажи на экспорт, я считал это хорошим показателем для того подразделения.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: скажите, пожалуйста, а кто еще являлся акционером Вашей компании, имеется в виду «Юганскнефтегаз», кроме ОАО «НК «ЮКОС»? И каким образом их интересы соблюдались при реализации нефти Вашей компанией? До 2001 года, естественно.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я уже говорил, основные акционеры – это был «Юганскнефтегаз», «Куйбышеворгсинтез» и компания «ЮКОС», и каких-то других акционеров я не знаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: миноритарные акционеры.

Свидетель Гильманов Т.Р.: были.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы же должны быть ответственным за соблюдение их прав, согласно уставу общества. Или Вы устав не помните? Читали устав?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, я читал устав.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: по-моему, помимо регламентов существует еще устав акционерного общества.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: я прошу снимать вопросы в этой части, потому что уважаемый прокурор Лахтин вводит свидетеля в заблуждение. Ему достоверно известно,

что управляющей компанией, свидетель об этом говорил, была компания «ЮКОС ЭП», и, даже имея звание генерального директора, господин Гильманов – и это сегодня тоже выяснялось – действовал по доверенности, а не в роли единоличного исполнительного органа, которым было «ЮКОС ЭП», и в его должностных обязанностях, как действующего по доверенности представителя «ЮКОС ЭП», не было ответственности перед акционерами. Сказал уже об этом свидетель.

Свидетель Гильманов Т.Р.: доверенность, да.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: нет, упорно навязывается позиция, что у «Юганскнефтегаза» должно быть два исполнительных органа: один – «ЮКОС ЭП», а другой – лично Гильманов, потому что это написано в уставе. Не написано этого в уставе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: существует Гражданский кодекс Российской Федерации, гражданское законодательство, где определяется смысл деятельности акционерных обществ, коммерческой организации – извлечение прибыли. Так каким образом – Вы же являлись, в том числе, и акционером Вашей компании, то есть «Юганскнефтегаз» – каким образом Вы с позиции и, повторяю, генерального директора, и с позиции акционера «Юганскнефтегаз» можете пояснить, соблюдались интересы других акционеров, других миноритарных, в частности, акционеров?

Свидетель Гильманов Т.Р.: для меня было важно не как формируются дивидендная политика, и как чувствуют себя акционеры, я еще раз говорю, я отвечал за процесс добычи нефти и за социальную стабильность в регионе. Меня больше устраивало, как и акционера, и как директора, то, что производство из года в год растет, и то, что мы выполняем свои обязательства перед теми, кем должны их выполнять. Меня эта ситуация устраивала, и у меня не было вопросов по другим направлениям.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: продажа нефти по такой обозначенной в договорах цене – а Вы подписывали же договоры – она кому была выгодна, эта продажа нефти?

Свидетель Гильманов Т.Р.: она удовлетворяла потребности бюджета.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: если конкретизировать, для какой конкретно организации была выгодна? Для «Юганскнефтегаза» была выгодная, для ОАО «НК «ЮКОС»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: для «Юганскнефтегаза» она удовлетворяла потребностям бюджета. Что значит выгодная и невыгодная цена? Цена, оплаченная за товар, закрывает все позиции бюджета. Что еще надо?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: но цена может быть разная. Нефть можно продавать по разным ценам.

Свидетель Гильманов Т.Р.: может быть и больше, может быть и меньше, но эта цена, по всей вероятности, кто ее делал, по расчетам.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а делал-то кто ее, в каких подразделениях?

Свидетель Гильманов Т.Р.: ее делали в «ЮКОСе».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в «ЮКОСе». Вы полагаете, что она была выгодна для «ЮКОСа», для ОАО «НК «ЮКОС»? Там компетентные специалисты работали в этот период?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы полагаете, что такая цена установленная, она была выгодна для «ЮКОСа»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: она была нормальной и сбалансированной с точки зрения бюджета для «Юганскнефтегаза».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: те договоры, которые Вам сейчас показывали мои коллеги, Вы помните содержание этих договоров?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а чем Вы можете объяснить, что цена продажи нефти была практически неизменной?

Свидетель Гильманов Т.Р.: значит, такова была конъюнктура.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: январь и февраль, апрель, все договоры.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: свидетель ответил уже по ценам. Конъюнктура.

Председательствующий: по поводу неизменности цен, Вы помните, да, эти договоры?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, я помню. Во всех этих договора с января по апрель одна цена – 208 и 40 копеек.

Свидетель Гильманов Т.Р.: и ничего здесь удивительного нет. В этот период никаких существенных изменений в поставке товара, в оказании услуг, в ценах монополии не изменилось, и эта цена по-прежнему, как и в начале бюджетного года, удовлетворяла и закрывала балансированный бюджет. Почему должны меняться, мне пока непонятно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы можете подробно пояснить обстоятельства подписания Вами этих договоров купли-продажи нефти?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: где это происходило конкретно? При каких обстоятельствах?

Свидетель Гильманов Т.Р.: эти договоры приходили непосредственно в службу, которая занимается, как я говорил, подготовкой...

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и уточните все-таки название службы, и откуда приходили.

Свидетель Гильманов Т.Р.: из компании «ЮКОС». Отдел называется «отдел по подготовке нефти и утилизации газа». Вопросы подготовки, ставится вопрос, вопрос и учета нефти. И если я там видел визу начальника отдела или ведущего специалиста о том, что объем нефти за данный период, за десятидневку, соответствует, и он подтверждает своей визой этот объем, а виза начальника планово-экономической службы подтверждает – он проверил математику, умножив объем на цену – подтверждает цену сделки, я после этого мог подписать этот договор. Я подписывал это в кабинете.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: скажите, а кто непосредственно подписывал генеральное соглашение?

Свидетель Гильманов Т.Р.: насколько я помню, это был Парасюк и Муравленко.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Парасюк и Муравленко в какой период подписывали генеральное соглашение?

Свидетель Гильманов Т.Р.: это был, по-моему, седьмой год.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а обстоятельства подписания этих генеральных соглашений Вы помните?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а с Парасюком по поводу подписания им генерального соглашения Вы беседовали?

Свидетель Гильманов Т.Р.: а я этого соглашения до того, как меня назначили генеральным директором, и не видел. И когда я заступил на должность генерального директора, я тогда попросил правовое основание этих договоров. Мне показали это соглашение, подписанное, действующее, и у меня вопросов не было.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: но вместе с тем договоры, подписанные Вами, были подписаны. Базой для подписания договоров являлись генеральные соглашения, это же так?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, там так и написано, что «данный договор купли-продажи выполняется во исполнение генерального соглашения». Номер соглашения, дата – все там прописано во входной части этого договора.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а Вы с Парасюком беседовали на тему подписания им генерального соглашения?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Подсудимый Лебедев П.Л.: это уже четвертый раз.

Судом объявляется перерыв.

16 часов 20 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я правильно Вас понимаю, что Вы фактически не по своей инициативе подписывали эти договоры?

Свидетель Гильманов Т.Р.: по своей инициативе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: по своей инициативе. Но вместе с тем, Вы не могли или могли формировать цену продажи нефти в этих договорах?

Свидетель Гильманов Т.Р.: меня эта цена устраивала, я подписывал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: фактически Вы действовали в интересах кого тогда, подписывая эти договоры?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я действовал в рамках исполнения бюджета.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я понимаю.

Свидетель Гильманов Т.Р.: в бюджете цена оговаривается. В интересах производственного цикла, в интересах тех задач, которые я решал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: этот производственный цикл осуществлялся в рамках какой организации, или каких организаций?

Свидетель Гильманов Т.Р.: в рамках всей компании. И в рамках «Юганскнефтегаза», и как составляющей в рамках компании, мы были одним...

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: компании какой?

Свидетель Гильманов Т.Р.: «ЮКОС».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я правильно Вас понимаю, что, когда Вы упоминаете слово «компания», Вы имеете в виду ОАО «НК «ЮКОС»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я имею в виду, прежде всего «ЮКОС ЭП», как та структура, которая является, управляющая компания является исполнительным органом «Юганскнефтегаза». И, безусловно, я понимаю, что одна из составляющих всей компании «ЮКОС», это единый, целый механизм.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а Вас не смущало то, что то лицо, которое подписывало договоры купли-продажи нефти, также подписывает по доверенности, выданной компанией «ЮКОС ЭП»? И Вы тоже подписывали договоры по доверенности этой компании.

Свидетель Гильманов Т.Р.: когда я подписывал, меня это не смущало. Но когда я видел, что мой договор купли-продажи подписывает человек, который не в моем коллективе, и доверенность была выдана, безусловно, я чувствовал себя дискомфортно, но, тем не менее, с правовой точки зрения это было правильно и это, в целом, не мешало работать.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а для чего тогда вообще нужно было подписывать договоры купли-продажи нефти, если фактически никаких договорных отношений не было?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, во-первых, было генеральное соглашение, раз. И я говорил, что этот договор имеет процедурное значение для бухгалтерии, для формирования выручки и для формирования и подтверждения двумя сторонами объема сданной нефти и в последующем формирования исполнительного баланса.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: одна и та же компания выписывает доверенность и Вам, и тому лицу, который подписывал с другой стороны договор. Та компания тоже была аффилирована с ОАО «НК «ЮКОС». Никаких договорных отношений не было. Я правильно понимаю? Процедурные вопросы Вас устраивали, я правильно понимаю?

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Ваша честь, я бы просил, во-первых, попросить уважаемого прокурора избегать навязывания своей причудливой юридической трактовки того, что является договорными отношениями, а что договорными отношениями не является. Она не разделяется юристами. Это, во-первых. А во-вторых, если уважаемый прокурор утверждает, что в одном договоре доверенность и одной стороне, и другой стороне выдавалась компанией «ЮКОС ЭП», то хотелось бы все-таки уточнить, какой это был договор, потому что, насколько мне известно, я таких договоров не помню. Может, я ошибаюсь.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: договоры, которые были представлены сегодня свидетелю.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: я Вас уверяю, что в тех договорах, которые я сегодня видел, там этого не заметил, но там нет того, чтобы и с одной стороны, и с другой доверенность выдавала компания «ЮКОС ЭП». Просто насколько я помню, и насколько я давал показания, и насколько свидетель, во всяком случае, говорил, с одной стороны выступало «ЮКОС ЭП», а с другой стороны выступало «ЮКОС РМ». Елфимов был вице-президентом «ЮКОС РМ».

Подсудимый Лебедев П.Л.: доверенность, выданная Елфимову от имени «Нефтяной компании «ЮКОС», да, лежит в материалах дела, в соответствии с которой он подписывал договоры на покупку от имени «ЮКОСа» нефти у «Юганскнефтегаза».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: что-нибудь можете добавить к своему ответу по поводу акционеров «Юганскнефтегаза»? Сколько в процентном отношении акций было у ОАО «НК «ЮКОС», сколько у других акционеров? Вы, как лицо ответственное за финансово-хозяйственную деятельность, за состояние структуры капитала, ответьте, пожалуйста.

Председательствующий: Валерий Алексеевич, речь идет до перехода на единую акцию?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: да, конечно, до 2001 года.

Свидетель Гильманов Т.Р.: для меня была несущественной структура капитала, и я не знаю, какие. Сколько было акций на рынке в свободном обращении, сколько было миноритарных акционеров. У меня есть коллектив, есть производственная задача. Конечно, эти вопросы всплывали при подготовке годового собрания, но я уже не помню, поскольку они для меня не имели принципиального значения.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а данный уголовный процесс в отношении Ходорковского и Лебедева имеет для Вас принципиальное значение?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: свидетель, Вы сегодня заявили о своем мнении по поводу обвинения, предъявленного Ходорковскому и Лебедеву, в частности, по поводу хищения путем присвоения нефти. Вы материалы дела в подлинниках, в копиях читали?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: может быть, Вы обладаете какой-то квалификацией, имеете высшее юридическое или среднее юридическое образование, чтобы позволить себе судить о квалификации действий Ходорковского и Лебедева?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, у меня нет юридического образования.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: может быть, Вам что-то известно о способе совершения хищения путем присвоения? Который отражен в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых Ходорковского и Лебедева?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я уже ответил на этот вопрос. С точки зрения физической это невозможно. С точки зрения ценовой политики это тоже неправильно, потому что цена, которая была, она вполне была корректна по отношению к «Юганскнефтегазу», и она закрывала все затраты и балансировала бюджет. Поэтому о какой-то другой цене, по которой якобы надо было продавать, никто не может сказать, по какой цене надо было продавать. Никто не может сказать.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: предъявлено обвинение в хищении нефти не только у добывающей компании «Юганскнефтегаз», но и у других добывающих компаний.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я об этом вообще не могу судить.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: еще раз говорю, что Вам известно о том способе хищения, который отражен в обвинительном заключении в отношении Ходорковского и Лебедева? Детально ли Вы изучили обвинительное заключение, чтобы делать такие выводы?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я не читал материалы дела, не читал обвинительное заключение.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на основании каких же документов Вы делаете такой вывод?

Свидетель Гильманов Т.Р.: а это мое понимание. Этого процесса.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: надо понимать, что это Ваше непрофессиональное понимание?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: может быть, Вы встречались с кем-нибудь из прежних руководителей ОАО «НК «ЮКОС», добывающих компаний и компаний, входящих в периметр консолидации ОАО «НК «ЮКОС»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, последние два года не встречался ни с кем.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: те доверенности, которые Вы получили, они при каких обстоятельствах были Вам выданы?

Свидетель Гильманов Т.Р.: обычным путем. Приходила в начале производственного года доверенность, зарегистрированная, я расписывался в получении доверенности. Управление делами это оформляло, и эта доверенность хранилась у меня, и я работал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а содержание доверенности Вы обсуждали с кем-либо?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет. Но когда формировалась эта доверенность, мы кое-какие вопросы уточняли.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: с кем конкретно?

Свидетель Гильманов Т.Р.: с Бейлиным Юрием Аркадьевичем.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы могли бы повлиять на содержание этой доверенности?

Свидетель Гильманов Т.Р.: если это было аргументировано и обоснованно – да. Юрий Аркадьевич слышал, и мог поменять позицию свою, он не был, что называется, упрямым.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в настоящее судебное заседание Вы при каких обстоятельствах явились?

Свидетель Гильманов Т.Р.: мне позвонил мой адвокат.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: со стороны защиты, Вы же здесь свидетель со стороны защиты здесь сейчас представляете.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: понимаете это, осознаете?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: итак, Вам позвонил адвокат.

Свидетель Гильманов Т.Р.: мне позвонил мой адвокат, который вел мое дело по моей судимости, у меня остались с ним конкретные деловые отношения.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а фамилия адвоката?

Свидетель Гильманов Т.Р.: Клячкин Юрий Львович. Он мне позвонил и сказал, что в мой адрес отправлялась повестка, почему я никак не среагировал? Я никакой повестки не получал, я ему так и ответил, что я никакой повестки не видел. «Вас хотят пригласить на заседание суда по делу Ходорковского». Я сказал: «Ну, хорошо, значит, пригласят, я приду».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: кто желает пригласить, он Вам сказал?

Сторона обвинения, сторона защиты?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, мне сказали, что сторона защиты.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и Вы явились сегодня, получив эту информацию, как Вы сказали, своего адвоката?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: непосредственно перед судебным заседанием Вы с кем-нибудь из защитников Ходорковского, Лебедева, в том числе, сидящих в этом зале, общались?

Свидетель Гильманов Т.Р.: Константин Евгеньевич меня встретил на крыльце.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: с кем-нибудь еще общались?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и присутствующими в зале судебного заседания, и не присутствующими в зале судебного заседания.

Свидетель Гильманов Т.Р.: до начала заседания не общался.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а с адвокатом Клювгантом встречались?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в коридоре здесь? Может быть, Вы не помните?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, может, я повстречался, я его узнал только здесь.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я мимо проходил, Ваша честь, поэтому неслучайно вопрос задал. Так о чем Вы общались с адвокатом Клювгантом?

Свидетель Гильманов Т.Р.: поздоровались. Представились друг другу. Я высказал свое удовлетворение, что познакомился с ним лично.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а высказывали ли Вы адвокатам о своем намерении дать конкретные показания и содержание этих показаний высказывали? Потенциальных показаний.

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет. Я не знал вопросов, как я мог сказать, что я дам какие-то конкретные ответы, если я не знал вопросов?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: как не знали вопросов, если ранее Вы уже допрашивались на предварительном следствии?

Подсудимый Лебедев П.Л.: по какому делу?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я допрашивался еще в 2006 году.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в 2006 году, правильно.

Свидетель Гильманов Т.Р.: и это была тема чисто моя, и конкретно касалась «Юганскнефтегаза», и конкретно касалась налоговых позиций. Там это было более года. Эту тему я знал, поскольку она прошла через меня. А конкретно по процессу Ходорковского, обвинение, заключение я не читал, не видел.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и защитник Ривкин о чем с Вами общался.

Защитник Ривкин К.Е.: Ваша честь, мы просим снять этот вопрос.

Свидетель Гильманов Т.Р.: он порекомендовал мне не волноваться. Обращаться к судье и говорить все то, что я считаю необходимым.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: то есть, защитники Ходорковского и Лебедева допустили Вас в качестве свидетеля со своей стороны, не зная даже, о чем Вы будете говорить?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в пользу защиты Ходорковского, Лебедева или нет?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: адвокат Мирошниченко задавал Вам вопросы в этом процессе, Вы общались с адвокатом Мирошниченко?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет. Я его увидел только здесь.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: ранее в зале судебного заседания присутствовали?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да, на своем суде. В этом нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: нет, в этом?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: с содержанием судебных заседаний Вы знакомились?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на сайтах?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в газетах, где-нибудь в средствах массовой информации?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в том числе, с содержанием показаний свидетелей?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: обсуждали с кем-нибудь содержание показаний свидетелей?

Свидетель Гильманов Т.Р.: со своим адвокатом.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а со своим-то адвокатом Вы обсуждали вопросы поведения в данном судебном заседании, сегодняшнем?

Защитник Ривкин К.Е.: Ваша честь, это вопрос адвокатской тайны, что это такое?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: да, Ваша честь, здесь был упомянут гражданин Парасюк, который подписывал генеральное соглашение, поскольку гражданин Парасюк не в состоянии фактически ходить, Ваша честь, о чем у нас имеются медицинские документы, поэтому мы просим Вас приобщить к материалам уголовного дела в данном судебном заседании его показаний, данных следователю в рамках предварительного следствия по уголовному делу № 18/41, касающихся непосредственно обстоятельств, подлежащих доказыванию по данному уголовному делу, а именно подписания им генеральных соглашений, о которых свидетель Гильманов сегодня и упомянул. Также гражданин Парасюк указывает здесь на обстоятельства финансово-хозяйственной деятельности «Юганскнефтегаз», и о взаимоотношениях ОАО «НК «ЮКОС» с другими компаниями, о чем упоминал здесь данный свидетель. Я думаю, что оглашение данных показаний, которое в силу состояния здоровья гражданина Парасюка будет уместным, законным и обоснованным, и поможет нам задать более компетентно вопросы свидетелю Гильманову, и получить от него обстоятельные ответы, направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Ваша честь, я повторяю, это необходимо, гражданин Парасюк действительно не может явиться в данное судебное заседание, поскольку он тяжело болен, Ваша честь. По этическим соображениям я не буду воспроизводить здесь тексты медицинских заключений, они более чем убедительны, Ваша честь, поэтому я передаю Вам данные документы для решения вопроса.

Председательствующий: в ходе предварительного следствия по данному уголовному делу указанный гражданин допрашивался?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Ваша честь, он допрашивался по уголовному делу № 18/41, а из этого уголовного дела № 18/41 выделены материалы уголовного дела в отношении Ходорковского и Лебедева.

Председательствующий: в выделенных материалах уголовного дела протокол допроса указанного гражданина есть?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в этом деле нет, Ваша честь, поэтому мы и просим. Здесь медицинские заключения, они в подлинниках. С печатями, в подлинниках.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: поддерживаю.

Защитник Ривкин К.Е.: Ваша честь, в обвинительном заключении в списке свидетелей этого лица нет. Это первое. Второе. В ряде случаев мы столкнулись с тем, что свидетели допрашивались, не вошли в обвинительное заключение. Этого лица в числе тех, кто допрашивался, но не вошел в обвинительное заключение, нет. Третье. Предварительное следствие по нашему делу закончилось несколько лет назад, у следователей были достаточные возможности для того, чтобы определиться с теми доказательствами, которые необходимо включить в наше уголовное дело. Они этим в свое время воспользовались, и сейчас очередной вброс этих материалов мы считаем продолжением нарушений закона, и я не очень понимаю, какое это имеет отношение к допрашиваемому сейчас свидетелю. Поэтому мы просим отказать в удовлетворении данного ходатайства и

завершить допрос данного свидетеля. Мне кажется, что, по-моему, вопросы все уже были исчерпаны, в том числе, относительно господина Парасюка.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Ваша честь, единственное, что я бы, конечно, возражал против того, чтобы прерывать стадию допроса свидетеля и переходить к стадии дополнения.

Подсудимый Лебедев П.Л.: возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: возражаю.

Суд,

Постановил:

Суд, выслушав мнения участников процесса, отказывает в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела протоколов допросов свидетеля Парасюка.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: свидетель, скажите, пожалуйста, а приобретал ли «Юганскнефтегаз» нефть у других предприятий? Например, для нужд администрации ХМАО.

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, у нас своя нефть была.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не было таких случаев, да?

Свидетель Гильманов Т.Р.: не было.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: нет вопросов.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Вам задавался вопрос несколько раз, покупал ли «Юганскнефтегаз» нефть у «Ратибора», и сейчас у Вас спрашивают абстрактно, без указания юридического лица, покупал ли «Юганскнефтегаз» нефть у кого-то для продаж администрации. Я хотел бы просить Вас вспомнить про документарный оборот нефти, естественно, не про физическую, а про документарный оборот. Можете ли Вы припомнить случай, когда сначала Вы оптом продавали нефть «ЮКОСу» там или каким-то подразделениям «ЮКОСа», а потом часть этой нефти, опять же, документарно продавалась Вам для продажи этим, на котельные, и так далее?

Свидетель Гильманов Т.Р.: в исполнительном балансе есть строка «Отпуск сторонним организациям». И эта строка говорит о том, что мы могли продать буровым предприятиям для обеспечения котельных в зимний период, мы могли продать каким-то населенным пунктам, если была нефть. Я всегда считал, что это нефть наша. Поэтому, говоря о маршрутах, есть такое понятие, маршруты, куда отправляется, как, но я никогда не занимался этим делом, и я считал, что это решалось на уровне оперативных подразделений. Это 15-20 тонн, 150 тонн по году. У меня потери при сборе были гораздо больше, в десятках раз.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: опять же, сугубо формального, юридического характера, но Вы могли уже ощутить, что здесь немного ситуация запуталась. Когда Вы были назначены на свою должность в 1998 году и до 2001 года, по Вашим показаниям, Вы назывались генеральным директором, потом Вы назывались управляющим. В то же время, согласно Вашим показаниям и согласно тем документам, которые Вам предъявлялись, я имею в виду договоры, единоличным управляющим органом «Юганскнефтегаза» был не генеральный директор, а компания «ЮКОС ЭП», а Вы в договорах выступаете по доверенности от компании «ЮКОС ЭП». Я в связи с этим хотел бы уточнить. С юридической точки зрения как Вы понимали – Вы действуете по доверенности или на основании каких-то других документов?

Свидетель Гильманов Т.Р.: с того времени, когда исполнительным органом «Юганскнефтегаза» по договору о передаче исполнительного органа функций был «ЮКОС ЭП», я работал по доверенности. Я подписывал по доверенности. Но я не делал эту сноску, «по доверенности», я подписывал, и всех это устраивало.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: нет, в тех договорах...

Свидетель Гильманов Т.Р.: никто не требовал доверенности.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: в тех договорах, которые Вам предъявляли, там, как раз записано, что Вы по доверенности. Теперь, с вопросами де-юре разобрались, теперь я хотел бы спросить Вас, с фактической точки зрения как Вы понимали. Когда Вас назначали на Вашу должность в 1998 году, как Вы понимали, мной это назначение одобрено? Я дал на него согласие?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я думаю, да, я думаю, что Ваше одобрение было, и для меня это было важно. Со мной непосредственно переговоры вел Казаков, и когда я у него спросил, чье это решение, он сказал, что это коллегиальное решение, в нем участвовали и Вы, и более того, даже участвовали главы администраций. И я хорошо помню, что я этот вопрос задавал, и ответ я получил совершенно понятный для себя.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: поясните, пожалуйста, опять же, как Вы понимали. Когда Вас освобождали от этой должности в середине 2003 года, в связи с переходом на другую работу, Вы понимали, что это решение также одобрено мной?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я хорошо помню 2003 год. В январе месяце Вы меня пригласили, в плановом порядке, у нас были еще рабочие вопросы, и Вы мне сказали, что подходит срок окончания моего контракта, в мае у меня заканчивался пятилетний контракт, и мы проговорили, какие мысли есть у меня, Вы спросили, Вы сделали мне несколько предложений, я взял паузу, и я обсудил этот вопрос еще с Бейлиным в рамках такого консультативного разговора, и я Вам потом позвонил и по телефону сообщил о своем решении. Я помню, что первая встреча и предложения, варианты были от Вас, в Вашем кабинете, и свое решение я передал Вам. И потом оно было реализовано. Я пошел в сервисный блок компании.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не было ли связано Ваше назначение, не обуславливалось ли Ваше назначение на должность Вашим обязательством покрывать какие бы то ни было мои преступления? И не было ли связано Ваше освобождение от должности с тем, что Вы отказались покрывать какие-то мои преступления?

Свидетель Гильманов Т.Р.: такой сложный вопрос, но очень простой по ответу. Когда Вы первый раз приехали в Юганск, и в прессе прошло сообщение, что Вы приобрели долю акций, государственную долю акций, и Вы приехали к нам разбираться, и мы с Вами имели достаточно длительные беседы, об экономике, о производстве, как Вы объехали в течение десяти дней практически все месторождения, и когда мы сразу же приняли такие концептуальные решения по перспективам развития, я скажу, что я посчитал, что это хорошо, что пришла банковская структура, которая считает деньги на каждый вечер, и которая понимает этот бизнес чуть-чуть по-другому. Я готов был к тем преобразованиям, я понимал, что будет трудно, и я согласился, потому что мне было это интересно. И это не противоречило моим моральным принципам. Это была моя профессия. И о каких-то Ваших преступлениях я не понимал. Я даже и не мог допустить, что есть какие-то преступления, уже в то время, даже не будучи нефтяником, Ваше имя в банковском мире было уважаемым. И поэтому у меня не было такой, что я принял решение, чтобы как-то прикрыть. А когда я увольнялся, мне было четко понятно, что контракт подошел к концу. Кстати, эта технология контрактная – очень хорошая технология, что называется, за полгода точно понимал, что какое-то изменение произойдет. Для меня это не было неожиданным, шокирующим, негативным. И я уходил, опять же, в компанию, переходил работать в Москву, и переходил тоже на достаточно ответственную работу, возглавить весь сервисный комплекс. Мне это было тоже приятно, это не противоречило моим принципам. О каких-то преступлениях и не было речи.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Вам здесь задавали вопросы, связанные с аукционами по продаже нефти, помните? Скажите, пожалуйста, имело ли для Вас какое-то существенное значение при подписании договоров и актов, связанных с куплей-продажей нефти, устанавливается ли цена и покупатель в результате аукциона или в результате иной административной процедуры, которая проходит внутри компании «ЮКОС»? Имело ли для Вас это значение?

Свидетель Гильманов Т.Р.: не имело никакого значения, потому что, еще раз говорю, вопрос продажи нефти, реализации, вопрос ценовой политики данного вопроса для нас, для нефтяников-добытчиков, это неважный вопрос. Я точно понимал, что отдавая нефть, оформляя ее документально, получая деньги, я делаю ту часть работы, которая нужна в целом для «ЮКОСа ЭП» и для компании. И на этом любопытство заканчивалось. Не до любопытства было. Невпроворот дел. И интересоваться, как ли там, правильно ведут, кто и профессионально. Дела по компании шли успешно. Компания набирала обороты. Я считал, что все остальные подразделения тоже работают успешно.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Вас здесь спрашивали, имел ли управляющий в Вашем лице голос при определении цены. Вы пояснили, что цена, умноженная на объем производства, давала ту выручку, которая определялась в бюджете. То есть, по сути, это арифметическое действие. Хотел бы Вас попросить уточнить еще раз для суда, имели ли Вы как управляющий «Юганскнефтегазом» и, соответственно, Ваши службы, подчиненные Вам лица голос при определении объемов добычи и объемов финансирования в бюджете?

Свидетель Гильманов Т.Р.: хочу еще раз вернуться к бюджетированию. Безусловно, объемы добычи считали сначала мы. Мы знаем свой фонд, предмет своего труда, мы знаем каждое месторождение. Мы знаем динамику падения объемов производства, мы знаем динамику роста обводненности, мы знаем ввод новых скважин, потому что в программе тоже стояли объемы бурения. Мы считали эту цифру, мы цифру приносили в компанию. В компании существовало управление добычи, очень профессиональные специалисты, и там шла дискуссия. Взгляды были, конечно, что называется, каждый хотел защитить свою позицию, добыть больше или меньше. Мы давали более, скажем, такие, что называется, по земле ходили. Компания говорила: «Нет, можно больше». Когда это было доказательно, когда это было доказательно, тогда это принималось. Когда мы не соглашались, мы уезжали назад, это возвращалось еще раз, мы искали свои аргументы, нам представляли другие аргументы, но никогда это не делалось так – где-то посчитали, нам довели. Это труд совместный, это серьезный геологический, инженерный труд. И мнение наше, безусловно, учитывалось. Безусловно, учитывалось. Даже были случаи, «возьмем за базу, а эту цифру оставим Вам в плане, но она будет контрольная», как бы компромиссные решения были. Но в любом случае, мнение команды, геологической службы, инженерной службы, эти мнения учитывались и слышались.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: а учитывалось ли Ваше мнение, вторая половина вопроса, при определении того объема финансирования, которое необходимо Вашей структуре, руководимой Вами структуре, для производства этого объема?

Свидетель Гильманов Т.Р.: у меня была очень профессиональная планово-экономическая служба, и когда эта служба просчитывала необходимый объем финансирования для реализации этих задач, то тогда всплывал вопрос, что мне денег нужно столько. Скажем, бюджет 2003 года, да, это на уровне 70 000 000 000 операционных затрат. Безусловно, компания говорила, что если взять на объем производства, то на одну тонну нефти это превышает показатель эффективных практик. Была таблица: «лучшая компания», «средняя компания», «худшая компания». И когда мне показывали, что «ты попадаешь в «худшие», и ниже «худших», безусловно, я тоже понимал, что-то надо менять. Мы составляли программу финансового оздоровления, составляли программу снижения затрат, максимально искали резервы у себя. Вместе с тем мы ставили вопрос о дополнительном финансировании. И мы, еще раз говорю, мы находили, никогда не было так: «Нет, тебе цифра такая, хочешь, работай, хочешь, не работай». Потому что можно было так сделать, но тогда бы я не нес ответственности. До того, как я не подписал, я не нес моральной ответственности за то, что мне сверху дали, нас слушали. Вот Вы написали, Вы и добивайтесь. Но когда если я подписал, а со мной всегда были мои заместители, и когда мы уже в конце, что называется, кивнули головой и подписали протокол, это была уже наша зона ответственности. И нас слышали, нас слушали. Но, еще

раз говорю, компания ставила задачу каждый раз более эффективно и более эффективно. И это нормальный процесс. Так было.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я сейчас буду задавать вопросы по показателям не бюджета, а Вашей финансовой, бухгалтерской отчетности «Юганскнефтегаза», чтоб у нас потом недоразумений не было. Скажите, пожалуйста, в бухгалтерской, финансовой отчетности «Юганскнефтегаза» выручка, которая определялась, исходя из цен, которые устанавливались договорами, эти показатели также включались в финансовую, бухгалтерскую отчетность? Или как-то было по-другому?

Свидетель Гильманов Т.Р.: у нас не было двойной какой-то бухгалтерии.

Подсудимый Лебедев П.Л.: то есть в финансовой отчетности, да, выручка признавалась в соответствии с этими договорами?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно.

Подсудимый Лебедев П.Л.: скажите, пожалуйста, эта же бухгалтерская, финансовая отчетность далее как, она представлялась совету директоров и собранию акционеров?

Свидетель Гильманов Т.Р.: безусловно.

Подсудимый Лебедев П.Л.: и там же утверждалась, да?

Свидетель Гильманов Т.Р.: конечно, форма 2, обязательно обсуждалась на совете директоров. Обсуждалась достаточно жестко, и если она принималась, принималась к рекомендации выноса на собрание акционеров, то уже выносилась и докладывалась собранию акционеров.

Подсудимый Лебедев П.Л.: и то, что касается Вашего аудитора, «PricewaterhouseCoopers», он точно так же эту отчетность получал для аудита, он же подписывал аудиторские заключения? То есть, показатели выручки, прибыли, которые отражались, это он все видел?

Свидетель Гильманов Т.Р.: «PricewaterhouseCoopers» не мог другой, потому что он делал аудит, не приходя к нам в феврале последующего года, поквартально они приезжали к нам, и они ежеквартально анализировали нашу отчетность для своего накопителя. И мы не могли в конце что-то представить им другого. Они о нас больше знали, чем знал я. Они потому что детально там сидели каждый день, и профессионально каждую строку баланса разжевывали. И конечно, только эта отчетность, у нас не было двойной отчетности, а потом, это невозможно. Это невозможно. Потому что мы эти данные, отдавали и в налоговую, и налоговая, когда к нам приносилось заключение о результатах налогового года, оно базировалось точно на том же балансе, на той же выручке, на той же ценовой политике, что и получали аудиторы. Я думаю, что они меж собой общались.

Подсудимый Лебедев П.Л.: на собраниях акционеров или на совете директоров по отчетности «Юганскнефтегаза» с 1998 по 2003 год Вы были в «Юганске», да, были ли когда-либо случаи неутверждения, неодобрения этой отчетности? Помните, не помните?

Свидетель Гильманов Т.Р.: в целом по балансу, практически не было. Были вопросы по годовому отчету, потому что был период 2001 года, когда мы не выполняли план, и, безусловно, совет директоров попросил более детальный отчет о причинах невыполнения плана. И мне пришлось дополнительно к годовому отчету, который готовился, представить еще записку, чисто инженерно-геологическую записку.

Подсудимый Лебедев П.Л.: это на собрании акционеров, да?

Свидетель Гильманов Т.Р.: но когда было заслушано мое объяснение, когда главный геолог с главным инженером сумели объяснить, почему мы все-таки не выполнили производственную программу, после этого отчет был принят к утверждению и представлен на годовое собрание. Без этой пояснительной, конечно, записки.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Вы были акционером «Юганскнефтегаза». Что произошло с акциями «Юганскнефтегаза», которые Вам принадлежали?

Свидетель Гильманов Т.Р.: потом эти акции обменяли на единую акцию, я стал акционером «ЮКОСа». И у меня были акции «ЮКОСа».

Подсудимый Лебедев П.Л.: нет вопросов.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы сказали, что являлись генеральным директором ОАО «Юганскнефтегаз» и, я так полагаю, Вас интересовали вопросы получения прибыли Вашим предприятием в той или иной мере. Я так понимаю, что основная прибыль со всех добывающих компаний формировалась в некоем центре прибыли, которым являлся холдинг?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: как Вы указали.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а Вы, как генеральный директор, отвечающий за интересы акционеров и финансово-хозяйственную деятельность предприятия, Вы могли повлиять на увеличение той части прибыли, которая поступала от непосредственно центра прибыли? И как это происходило? Из его показаний видно, что вся прибыль от добывающих компаний формировалась от финансово-хозяйственной деятельности, формировалась в некоем центре прибыли, которым являлся холдинг ОАО «НК «ЮКОС», откуда она распределялась по добывающим компаниям. Я задаю вопрос, устраивало ли его такое распределение или не устраивало, как генерального директора, ответственного за акционеров.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, ну, он такого не говорил.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: за финансово-хозяйственную деятельность компании. Если он независимый директор, он ответит. Что у меня вызывает сомнения, что он независимый директор.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Ваша честь, я просил бы исключить сентенцию по поводу того, что подчиненный, пускай и не непосредственно, а там через моего зама мне человек является независимым директором. Я не знаю, как такое может быть. И такого, во всяком случае, от Тагирзяна Рахимзяновича я здесь не слышал, что он независимый. Это, во-первых. Во-вторых, я просил бы скорректировать вопрос в части утверждения, что прибыль собиралась в центре прибыли, а потом распределялась. Насколько я слышал, уважаемый свидетель здесь уже сказал о том, что прибыль у них формировалась от выручки, а во всем остальном, если на это корректируется вопрос, я его, правда, не понял, но, может, Тагирзян Рахимзянович понял. Может, он ответит.

Подсудимый Лебедев П.Л.: он уже пояснял Вам, как образовывалась прибыль в «Юганскнефтегазе», как разница между доходами и расходами. Поэтому тот вопрос, который задает Лахтин, я понимаю, почему он его задает – у него в шпаргалке это написано, был этот вопрос. Но самое интересное, свидетель-то этого не говорил.

Свидетель Гильманов Т.Р.: прежде всего я хочу еще раз уточнить, что если Вы сказали в вопросе: «Отвечали за интересы акционеров». Я не отвечал за интересы акционеров. Не отвечал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: то есть, ни за что не отвечали.

Свидетель Гильманов Т.Р.: за интересы акционеров я не отвечал. Это первое. Я не считал для себя, я не знаю, как другие акционеры, что наличие акций является источником их дохода, и за это бился. Вот не бился. Была зарплата, была мотивированная система оплаты моего труда, и это было нормальным, и это было, как есть, как оно сегодня есть. И поэтому как источник дохода наличие своих акций и получение доходов, и построение своей жизни, своей семьи на этом я не базировал. Поэтому, задавая вопрос «что же Вы не бились за дивидендную политику?», я отвечаю – для меня акции не были источником дохода. Я купил акции только потому, что я понимал, что будущее за компанией и когда-то компания будет формировать дивидендную политику, надо выйти из провала. Я понимал, что как патриот своей компании, я считал себя патриотом компании, то я должен быть акционером, чтобы иметь вторую мотивацию правильно вести дела и все-таки вывести на прибыльную позицию. А поэтому что другие акционеры там получают или как получают, а что у меня, еще раз говорю, у меня стояло большей частью по моей доверенности производственная программа и социальный климат в коллективе. В регионе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а руководителем компании ОАО «НК «ЮКОС» являлся Ходорковский Михаил Борисович, это неоспоримо.

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: он Вас как руководитель устраивал во взаимоотношениях непосредственно ОАО «НК «ЮКОС» с ОАО «Юганскнефтегаз»?

Свидетель Гильманов Т.Р.: устраивал, краткий ответ. А если прокомментировать, Михаил Борисович сделал следующую вещь. Когда в седьмом году команда Ходорковского пришла, он спросил о наших зарплатах, что спрашивать, перед ним была сводка, и он сказал: «Для того, чтобы Вы не имели соблазна заниматься левыми делами, поскольку Вы сидите на активах, имеете право финансовой подписи, давайте пересмотрим Вашу зарплату». И нам платили, мне и моим заместителям достойную зарплату. И вопрос был снят. С точки зрения «устраивал, не устраивал». Я уже говорил, он был доступен. У меня были системные, регулярные рабочие встречи, и эти встречи, что называется, прежде всего, мы сравнивали, сверить часы, в правильном направлении мы двигаемся и, конечно, ключевые вопросы политического, социального характера никто другой не мог ему доложить, и это было очень важно для него и для меня, как выстроить то или другое направление. И, конечно, вопрос шел и о добыче нефти, об эффективности, ему, он был доступен. Я не помню случая, чтобы если я попросил о встрече, мне отказали. Только отсутствие на рабочем месте могло быть причиной отказа. С точки зрения, насколько он слышал, Вы знаете, он слышал. Слышал аргументы, и он, если эти аргументы были обоснованными и убедительными, он их принимал во внимание, и он корректировал свои предложения. Я ни разу не помню, чтобы он повысил голос и как-то был нетактичен по отношению в разговоре. Разные люди встречались при наших беседах. А если приезжал Михаил Борисович в бригаду, то для бригады это было событие, по которому они могли задать любой, даже самый неудобный вопрос. И задавали неудобные вопросы – почему такая зарплата, почему у нас такое оборудование, почему у нас такие условия труда? Что с будущим, как новые школы? Задавали неудобные вопросы, и если получали ответы, то точно знали, что это будет сделано. Обязательность – это одно из условий, и это было одной из черт его. И поэтому, если Вы говорите, как позиционировал Михаил Борисович в коллективе, я Вам говорю, что это было положительно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы как патриот своей компании, как Вы только что выразились, интересовались, по каким ценам другие нефтедобывающие компании, которые не входят в структуру вертикально-интегрированной компании «ЮКОС» продают нефть, контрагентам?

Свидетель Гильманов Т.Р.: у нас «Сургутнефтегаз» на празднике «Черное золото Югры», который проводится на второе воскресенье после Дня нефтяника, Богданов Владимир Леонидович, с большим уважением говорю об этом человеке, директор «Сургутнефтегаза», всегда получал номинацию «Лучший налогоплательщик». И я у него: «Скажи, по какой цене продаешь?» Никогда не получал ответа. У налоговой это узнать было невозможно, я эту тему уже раскрывал. А конечно, можно было как-то говорить по другим компаниям, но так вопрос не стоял. И не было этой какой-то дискуссии, и не было какой-то проблемы. Не было этой проблемы.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вас же зарплата устраивала, которую Вам назначил Ходорковский, поэтому и проблем не было.

Свидетель Гильманов Т.Р.: Вы не правы.

Свидетель Гильманов Т.Р.: меня устраивало, что цена балансировала мой бюджет, она покрывала все расходы и все необходимые мои затраты, которые нужно было понести в коллективе, поэтому, я же не говорю лично о себе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а могла бы быть она выше, и могла ли Ваша компания получать больше прибыли на развитие производства, на социальную сферу, Вас это не интересовало?

Свидетель Гильманов Т.Р.: мы получали достаточное финансирование для развития. Я уже сказал об этом.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: как Вы можете говорить, что Вы получали достаточное финансирование, если Вы не проводили сравнительный анализ с ценами, по которой реализовывали другие нефтедобывающие компании? Нефть. Другим контрагентам.

Свидетель Гильманов Т.Р.: прежде всего, выручка покрывала и все финансовые поступления покрывали необходимость в мое развитии. Все программы по инвестициям закрывали эту потребность и обеспечивали воспроизводство.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: нефтедобывающие компании, они потенциально рентабельны при правильном менеджменте дел в этих компаниях и финансово-хозяйственной политики. Почему Вы делаете такой вывод, не проводя ранее сравнительного анализа?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы продолжаете себя считать самостоятельным в своей финансово-хозяйственной деятельности, когда Вы являлись руководителем «Юганскнефтегаза»? С учетом того, что цены фактически диктовались управляющей компанией. И опосредованно ОАО «НК «ЮКОС».

Председательствующий: у Вас есть добавить к тому, что Вы уже говорили?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы когда-нибудь задавались вопросом, и интересовались ли все-таки информацией, а по каким ценам продают другие нефтедобывающие компании? Другим контрагентам.

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: помимо того, что Вы задавали вопрос генеральному директору другой компании.

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы сказали о том, что все-таки имели место встречи с Лебедевым вместе на собраниях, на обсуждениях. Как часто они проходили? И какие вопросы обсуждались, и с какими вопросами выступал Лебедев? И в качестве кого он выступал?

Свидетель Гильманов Т.Р.: во-первых, у нас в компании три крупных корпоративных праздника – Новый год, День нефтяника и День рождения компании. И если мы встречались на этих компаниях, конечно, мы не говорили о работе. Мы просто встречались и говорили, что называется, о бытовых делах. На расширенных заседаниях правления первый год Платон Леонидович был, но его выступлений самостоятельных я не помню, а в последующие годы он уже не принимал участия в расширенных заседаниях правления.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы сказали, что ОАО «НК «ЮКОС» была головной компанией и фактически владела «Юганскнефтегаз», в соотношении, если анализировать соотношение акций, но не пояснили, а кто же был другим акционером компании «Юганскнефтегаз»? И каким пакетом акций владела головная компания ОАО «НК «ЮКОС»?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: скажите, пожалуйста, Вы заявили о том, что с Вами заключался контракт как с генеральным директором. А кто конкретно контракт заключал с Вами? И содержание этого контракта Вы помните?

Свидетель Гильманов Т.Р.: мой приказ о назначении меня директором был подписан Шахновским.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в каком году и где конкретно?

Свидетель Гильманов Т.Р.: это был 1998 год. Но мне этот приказ привезли. Мне его передали через управление делами, где подписывался, как, я не знаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: гражданина Кукеса Вы помните?

Свидетель Гильманов Т.Р.: Кукеса помню.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: он имел отношение к подписанию контракта?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет. Кукес пришел в компанию, когда я уже работал в сервисном производстве, я ушел, уволился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: условия контракта Вы с кем обсуждали? С Шахновским?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, я не обсуждал с ним условия контракта. Мне было понятно, сколько получает генеральный директор.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: из каких источников было понятно, сколько получает генеральный директор?

Свидетель Гильманов Т.Р.: а я работал заместителем генерального директора Парасюка, и у нас были нормальные, человеческие отношения.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: так каковы же были условия контракта?

Свидетель Гильманов Т.Р.: был приказ о моем назначении. Был приказ о моем назначении, назначить генеральным директором, с такого-то числа, и была подпись и дата, и этого было достаточно, чтобы я приступил к своим обязанностям.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: условия оплаты труда, условия вообще труда обсуждались с кем-то? Где Вы будете находиться?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, это обсуждалось уже в кадровом управлении непосредственно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в кадровом управлении какого подразделения это обсуждалось?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я обсуждал в компании «ЮКОС ЭП».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: где, в каком помещении? С кем непосредственно?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я сейчас не помню, потому что мы работали во многих помещениях – в Загородном шоссе...

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: город называйте сразу.

Свидетель Гильманов Т.Р.: Москва.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: по условиям контракта какой у Вас оклад был как генерального директора? Оплата труда из чего состояла?

Председательствующий: Валерий Алексеевич, какое это имеет отношение к делу?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: имеет, конечно. Потому что денежные средства иногда выплачивались в качестве зарплаты или бонусов из средств, которые были сосредоточены на счетах иностранных компаний, и сосредоточены и получены от реализации похищенной нефти. Это видно из обвинительного заключения, я выясняю, кто, сколько получал, потом буду суммировать и в прениях выступлю. Я лично. Может быть, мои коллеги выступят. Я выясняю обстоятельства, подлежащие доказыванию, задаю вопрос, сколько он получал. Это, кстати, есть в материалах уголовного дела. В 99 томе.

Свидетель Гильманов Т.Р.: при назначении меня генеральным директором я получал 4 000 долларов.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а 500 долларов куда делись?

Свидетель Гильманов Т.Р.: 4 500 и 4 000 – это для меня цифры одного порядка.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а с 2002 года как Ваша заработная плата?

Свидетель Гильманов Т.Р.: потом была введена в действие система бонусной оплаты труда.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в чем она состояла? Кем была введена? Согласны ли Вы с ней были или протестовали против нее?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я был согласен, потому что она предусматривала увеличение моих доходов. Составлялась карта по ключевым показателям эффективности, я эту карту рассматривал, со мной обсуждалось, указывались основные показатели, по итогам года эти показатели, подводились итоги, если показатели были выполнены, то я получал бонус. Эта система была введена приказом по политике мотивации персонала, и она действовала.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: по системе бонусов Вы какие денежные средства получали? За весь период, когда существовала эта система.

- Свидетель Гильманов Т.Р.: в разные годы по-разному, за разные периоды. Сейчас я не могу этого точно помнить.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а 248 000, 276 000 долларов Вы получали когда-нибудь?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: как я могу ответить на этот вопрос?
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не исключаете?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: не исключаю.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: какие суммы в виде бонусов Вы еще получали?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: я сейчас не могу об этом вспомнить.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: примерно.
- Свидетель Гильманов Т.Р.: это были суммы того порядка, что Вы назвали.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: как Вы их получали, чисто технически?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: на мою зарплатную карточку перечислялись.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а откуда перечислялись эти денежные средства? Из каких источников?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: я не знаю, мне с бухгалтерии перечисляли.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а как формировалась эта сумма, из которой исчислялись бонусы?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: я не знаю, как источник формировался.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы интересовались этим или нет?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: а зачем? Работодатель платит мне зарплату, как он формирует фонд, сумму для оплаты труда, зачем это мне знать?
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: как часто Вы эти бонусы получали?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: раз в год. Был период, когда нам давали по полугодию, но в основном по истечении года.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а генеральные директора и их сотрудники ОАО «НК «ЮКОС», другие, кроме Вас, получали бонусы?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: я не знаю, как другие, но мои заместители получали бонусы.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а кто конкретно?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: которые были в рамках этой программы.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а кто конкретно?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: получали у меня мои заместители, начальник НГДУ «Мамонтовнефть», «Майскнефть», «Правдинскнефть», «Юганскнефть», они мои были заместителями по добыче. Главный инженер предприятия. Зам по экономике и финансам, главный бухгалтер, они входили в бонусную систему, это был список, который был утвержден, и эти люди получали бонусы.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: тоже в размере примерно 248 000, 276 000?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, меньше.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: насколько меньше?
- Свидетель Гильманов Т.Р.: начальники НГДУ получали где-то в диапазоне, скажем, от 90 до 140 тысяч.
- Государственный обвинитель Лахтин В.А.: прошу представить свидетелю для обозрения том 99 л.д. 316-324 копию электронного платежа.
- Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.
- Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.
- Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.
- Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.
- Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.
- Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.
- Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.
- Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.
- Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Лахтина В.А. удовлетворить, представить свидетелю для обозрения том 99 л.д. 316-324 копию электронного платежа.

Свидетель Гильманов Т.Р. обозревает том 99 л.д. 316-324 копию электронного платежа.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: отражены суммы, которые Вы получали, надо полагать, в качестве бонусов.

Свидетель Гильманов Т.Р.: вижу, 450 000 долларов.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: л.д. 320, 25 апреля 2003 года, Гильманов, значит ли сумма 32 100 долларов США, правильно?

Свидетель Гильманов Т.Р.: да.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: л.д. 324, 08 июля 2003 года, Гильманов Т.Р., 32 100 долларов США.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: именно о таких размерах бонуса Вы желали сказать?

Свидетель Гильманов Т.Р.: нет, я не желал сказать об этих размерах. Эти документы мне уже показывали, в Техническом переулке. Я тогда четко, ясно сказал – первый раз вижу эти документы, я от этих предприятий не получал, я получал зарплату только с бухгалтерии на свою зарплатную карточку.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и бонусы получали, как Вы здесь передали?

Свидетель Гильманов Т.Р.: и бонусы, это тоже были мои доходы. И эти цифры я вижу первый раз, я отсюда не получал, и что этот список представляет, я не понимаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в цифровом выражении бонусы вы можете сейчас проиллюстрировать?

Свидетель Гильманов Т.Р.: я Вам сказал, это в том размере, который Вы назвали, 280 000 – то те размеры.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и сколько раз Вы получали их?

Свидетель Гильманов Т.Р.: раз в год. Были цифры больше, были меньше.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: значит, были цифры больше?

Свидетель Гильманов Т.Р.: были цифры больше.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: намного больше?

Свидетель Гильманов Т.Р.: ненамного больше.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: от чего зависел размер бонуса?

Свидетель Гильманов Т.Р.: от того, как мы эффективно сработали в течение года.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: или от того, чтобы Вы не задавали лишних вопросов в «ЮКОС ЭП» по поводу цены продажи нефти от Вашей нефтедобывающей компании?

Вопрос снят.

Свидетель Гильманов Т.Р.: эти материалы мне представлялись уже следователем в Техническом переулке в прошлом году. Эти материалы не подписаны никем, нет источника...

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Ваша честь, я прошу прервать свидетеля, он не является субъектом оценки доказательств. Вообще. Ни в этом судебном заседании, ни где-либо. Ваша честь, он не имеет права это делать согласно УПК РФ и любой страны мира, Ваша честь, насколько я знаю законодательство. Не имеет права оценивать доказательства, Ваша честь.

Свидетель Гильманов Т.Р.: я могу набрать на компьютере другую совершенно информацию, предъявить сюда. Если нет подписи, нет источника, я документ считаю недостойным обсуждения. Это мое мнение.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: нет вопросов.

Вопросов нет.

Свидетель Гильманов Т.Р. покинул зал судебного заседания.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Ваша честь, короткое заявление. Я специально при свидетеле не стал. Хотел бы обратить внимание уважаемого суда, что сегодня в течение дня было сделано, на мой взгляд, стороной обвинения при допросе свидетеля несколько некорректных поступков. Во-первых, предъявлен проект письма, который, судя по тексту, составлен иностранными юристами, который был изъят из адвокатского досье. И удивляются, почему свидетель его в таком виде не видел. Ваша честь, мне кажется, во-первых, некорректно предъявлять свидетелю те проекты, которые изымаются из адвокатского досье, хотя, конечно, о недопустимости Вы потом будете решать в совещательной комнате, как Вы сказали, но тем не менее. Во-вторых, уважаемые прокуроры опять ссылались на оценщиков, которые делали оценку, между прочим, для целей налоговых споров, за 1997 год, и приписывали их к собраниям 1999 года. Из каких соображений это делается? В собрании написано: «Оценка на дату проведения собрания», нам в суде и свидетелю предъявляют, говорится об оценке, совершенной в 1997 году. Мне кажется, такая постановка вопроса ущербна. Мне не нравится то, что сторона обвинения категорически не приемлет, я сейчас не про всех говорю, но, во всяком случае, Валерий Алексеевич, не приемлет существования одного исполнительного органа в лице юридического лица, так, мне непонятно, и я бы очень просил суд попросить сторону обвинения ознакомиться с Гражданским кодексом и законом «Об акционерных обществах», когда у свидетеля спрашивают, как он, как генеральный директор мог бы воспользоваться прибылью. Ваша честь, согласно нашему законодательству, закону «Об акционерных обществах», общество в лице даже генерального директора, я уж не говорю, управляющего по доверенности, прибылью не распоряжается никак. Общество распоряжается прибылью в лице акционерного собрания. Или фактически, поскольку там голосует большинство акционеров, в лице контролирующего акционера. А утверждение, что должен был распоряжаться прибылью генеральный директор или лицо, управляющее по доверенности, некорректно. По крайней мере, Ваша честь, я просил бы обратить внимание, что сегодня в ходе допроса три некорректных темы были подняты.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я хотел воспроизвести аудиозапись лжи, которую сообщила Вам прокурор Ибрагимова. Я, Ваша честь, вновь возражаю против Ваших сегодняшних действий, причем неоднократно я уведомлял Вас о том, что прокуроры, как и всегда в отношении любого свидетеля, будут их оскорблять в Вашем присутствии. Несмотря на мое предупреждение, Вы и сегодня в отношении очередного свидетеля позволили прокурорам его оскорблять, обхамить, и так далее. Я, конечно, понимаю, Ваша честь, Ваши попытки сократить количество вопросов прокурора Лахтина и его подельников, чтобы этот свидетель как можно побыстрее ушел из этого зала. Эту заботу о свидетеле я понимаю. Но я не понимаю другого, ради такой формы содержание остается абсолютно хамское по отношению к гражданам Российской Федерации, в суде Российской Федерации.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: Ваша честь, у меня заявление в порядке ч. 5 ст. 246 УПК РФ. Ваша честь, постоянные упреки со стороны подсудимого Лебедева в адрес обвинения достигли критической массы. И, тем не менее, за собой подсудимый Лебедев это не замечает. Если взять сегодняшний день, судебное заседание от 26 августа 2010 года, в Вашем присутствии неоднократно в наш адрес высказывались оскорбления. И себе позволяет такое Лебедев в Вашем присутствии. Подсудимый Лебедев себе неоднократно позволял не только в адрес меня, в мой адрес, в адрес моих коллег оскорбительные высказывания, но также я не поленюсь поднять протокол судебного заседания и перечислить все оскорбления в Ваш адрес. И когда Вам заявлялся отвод, я об этом очень четко высказалась: еще одно оскорбление – и мы будем ходатайствовать об удалении Лебедева из зала судебного заседания. Я думаю, что достаточно слушать все эти проповеди в наш адрес, что хамское отношение, и так далее. Я понимаю, что в своем глазу бревно не увидишь. Поэтому, Ваша честь, я заявляю ходатайство, и я думаю, что если есть основания у моих коллег, они выскажутся или поддержат его, просим Вас удалить из зала

судебного заседания до стадии окончания прений сторон подсудимого Лебедева в силу вышеназванных причин.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: поддерживаю.

Защитник Ривкин К.Е.: когда нечего сказать по существу дела, предпринимаются такого рода попытки. К сожалению, господа прокуроры, поводов для того, чтобы упрекать Вас в недостойном поведении, в том числе, в тех формах, которые выходят за пределы здравого смысла – вот сидит самый достойный представитель из Вас – более чем достаточно. Поэтому, как мне представляется, конечно, Ваша честь, у нас есть повод говорить и о том, что мы апеллируем к Вам, и не видим необходимой поддержки. Вы в свое время упрекнули нас со ссылкой на ст. 9 УПК РФ, нам всем это хорошо запомнилось. Но нам представляется, что эта ст. 9, ее действие распространяется на обе стороны. И когда мы, прилагая усилия и не имея властных полномочий, приглашаем сюда людей уважаемых, а их было здесь достаточно много), и в их адрес слышим всякие, извините, мерзости и гадости, мы молчать не будем. А что касается нашего подзащитного Лебедева, мы разделяем его позицию и его негодование. Другое дело, что, может быть, он позволяет себе сделать это в тех формах, которые позволяет ему его нынешнее нахождение и состояние. Мы себе этого, может быть, не можем позволить, но нам тоже очень сильно хочется. Поэтому мы просили бы отказать в заявленном ходатайстве, и призвать обе стороны к тому, чтобы вели себя корректно, и чтобы не допускали таких мерзостей, которые, мы имеем место по отношению к нашим уважаемым свидетелям и специалистам. Тогда бы не было поводов для подобных споров.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Ваша честь, мы в свое время тщательно проанализировали судебную практику, и пришли к выводу, что суды однозначно трактуют недопустимыми высказывания именно в оскорбительной форме. Под оскорбительной формой суды практически единодушно трактуют неприличную форму. Я скажу откровенно, от Платона Леонидовича в неприличной форме высказываний не слышал. Что же касается приличных высказываний, но, тем не менее, неприятных по сути, то я готов, если суду это необходимо и если сторона обвинения, со своей стороны, приведет терминологию Платона Леонидовича, подобрать аналогичную терминологию, использующуюся нашими оппонентами. Включая слова «наглый», «преступный», и так далее. В связи с этим, поскольку конкретно фраз, которые должны были бы быть восприняты как оскорбление в неприличной форме, стороной обвинения не было здесь указано, я просил бы ходатайство отклонить.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, мне понятна позиция прокурора Ибрагимовой. Она достаточно объяснима логикой развития событий. Я понимаю, что ни одному человеку, который произносит в публичном процессе неточность, не хочется быть уличенным в этой неточности. Приличные люди, когда оговариваются, как сделал, например, сегодня уважаемый свидетель, они поправляются и извиняются, и сообщают суду, что он оговорился. Простейший пример с прокурором Ибрагимовой сегодня, очень простой. Она исказила существо документа, который пыталась оглашать, несколько раз. Для того, чтобы сравнить, что есть в документе и что оглашала прокурор Ибрагимова, аудиозапись, Ваш честь, мы сделали, и мы ее расшифруем. С другой стороны, когда прокурор начинает сразу искажать данные, которые содержатся в документе, и вместо «ЮКОС» читать «Томскнефть», Ваша честь, перепутать это просто так достаточно сложно, потому что в слове «ЮКОС» всего четыре буквы, в слове «Томскнефть», очевидно, побольше. Я сообщил суду сразу же, о том, что она неверно огласила. Она вместо того, чтобы поправиться и извиниться, произнесла фразу. Но она не уведомила суд о том, что она суду в итоге солгала. После этого, Ваша честь, она мне посоветовала «прочистить уши». Это происходит в Вашем присутствии. Я суд предупреждаю о том, что его обманывает прокурор. И суд имеет возможность в этом убедиться. Суд спокойно относится к реплике прокурора, что она мне рекомендует прочистить уши. При этом

прокурор Ибрагимова уже лжет нагло. Таким образом, она защищает свою позицию, что она Вас не обманывала, а меня косвенно обвиняет в том, что я плохо слышу. Ваша честь, я не собираюсь никому давать советы, в том числе, и прокурору Ибрагимовой, чего ей надо и где чистить. Проблема же ведь не в этом. Если бы у нас была изначально корректная манера в данном судебном разбирательстве, я подчеркиваю, изначально, и Вы бы сразу бы на место прокуроров поставили, когда они обманывают суд, чтобы они понимали, где они находятся и кого они обманывают. Я, Ваша честь, вне зависимости, поймите правильно, мне это, в том числе, необходимо для протокола, я каждый раз, когда такие вещи происходят, стараюсь обращать на это Ваше внимание. Плюс мне больно смотреть на то, что российские граждане, которые приходят в этот суд, практически все, да, в том числе и иностранные, оскорбляются, да еще как, стороной обвинения, любыми подозрениями. Причем не только свидетели защиты, но и свидетели обвинения, только по одной причине, что стороне обвинения не нравятся их показания или сведения, которыми они располагают. Ваша честь, позицию по поводу моих выражений, я уже сослался Вам, как к этому относится Конституционный Суд Российской Федерации и Европейский Суд по правам человека. Она в протоколе есть, я для того, чтобы не затягивать время, ее цитировать не буду.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Ваша честь, мы полностью поддерживаем, и я лично, государственного обвинителя Ибрагимову. И хочу высказаться по поводу того, что Платон Леонидович Лебедев, как подсудимый и как человек, давал массу поводов в течение всего судебного заседания, которое длится уже второй год. То, что мы выступаем не так часто, это не значит, что он этих поводов не дает. Мы выступили сегодня и некоторое время назад с нашей позицией допущенных им оскорблений так редко, потому что мы не желаем волокитить судебное заседание, и настроены на конструктивный ход процесса, и настроены на анализ тех доказательств, которые необходимые для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Поэтому действительно, как высказалась прокурор Ибрагимова, это бестактное поведение на всем протяжении судебного заседания, особенно в последние месяцы, достигло критической массы. Ваша честь, я получил в свое время очень хорошее и образование, и в первую очередь воспитание, что не позволяет мне как корректному, интеллигентному человеку повторить все те оскорбления, некорректные фразы и прочий бред, который допускает здесь Платон Леонидович Лебедев как подсудимый и как гражданин Российской Федерации, чему попустительствуют его защитники, как участвующие в данном судебном заседании, так и находящиеся почему-то вне здания суда, наверное, они игнорируют данное судебное заседание. Поэтому, Ваша честь, мы полагаем, что эти оскорбления также направлены на дискредитацию нас, государственных обвинителей, Генеральной прокуратуры Российской Федерации как государственной структуры, отвечающей и за интересы всех граждан Российской Федерации, и в целом на дискредитацию нашего государства, что мы считаем недопустимым, и направлены на волокиту судебного заседания. Поскольку эти оскорбления имеют место, а я провел значительный анализ высказываний Лебедева, и продолжаю проводить, высказывается он в оскорбительной форме именно тогда, когда те или иные свидетели дают показания, изобличающие и Ходорковского, и Лебедева в инкриминируемых деяниях. Поэтому, Ваша честь, я полностью поддерживаю государственного обвинителя Ибрагимову, и еще раз поясню, что такие ходатайства мы могли бы заявить чуть ли не каждый день в данном судебном заседании.

Защитник Терехова Н.Ю.: Ваша честь, мне хотелось бы услышать обоснованное ходатайство со стороны обвинения в отношении подсудимого Лебедева, которое бы позволяло применить меры, предусмотренные ч. 3 ст. 258. Ходатайство, которое прозвучало от обвинителя Ибрагимовой, и было поддержано в итоге обвинителем Лахтиным, имело под собой только одно основание – чтобы закончить процесс в отсутствие подсудимого Лебедева на той стадии, когда он приступил к даче показаний. При этом, ходатайство не было мотивировано. Во-первых, ч. 3 ст. 258 строго регламентирует меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании. В

настоящем процессе мы все неподчинения распоряжению председательствующего сегодня мы не услышали. То есть, со стороны председательствующего в адрес Лебедева не прозвучало замечания, которому бы Лебедев не подчинился. Таких замечаний не было и раньше, которым бы он не подчинился. Таких замечаний не было и раньше, которым Лебедев бы не подчинился. Таким образом, мы считаем, что все высказывания со стороны обвинителей в настоящем судебном процессе направлены лишь на то, чтобы закончить процесс в минимально короткие для них сроки, ограничив при этом сторону защиты в представлении доказательств. И об этом открытым текстом сказал прокурор Лахтин, высказывая свое мнение, поддерживая ходатайство, заявленное Ибрагимовой.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Ваша честь, я могу сослаться на ст. 51, 21 Конституции Российской Федерации, из которой следует, что достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для умаления. Кроме того, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указывает на необходимость уважения личной жизни любого гражданина. Кроме того, ст. 9 УПК Российской Федерации настраивает участников уголовного судопроизводства на уважение чести и достоинства личности. «В ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению». Ваша честь, поэтому со ссылкой и на эти нормативные акты, в том числе, и на Конституцию Российской Федерации, и на Конвенцию, которая признана всей общественностью всех стран мира, я прошу и настаиваю, так же, как и государственный обвинитель Ибрагимова, на удалении из зала судебного заседания Лебедева.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: Ваша честь, я просто дополнить. Выступила адвокат Терехова, и хочу сказать, что если обратиться к протоколам судебных заседаний, практически по каждому судебному дню, делались замечания подсудимому Лебедеву о том, что также в протоколе судебного заседания есть отметка о том, что Лебедеву уже сделано два предупреждения об удалении из зала судебного заседания. И если защитник Терехова хорошо изучила протокол, достаточно двух, вернее, это требование статьи, если было два предупреждения, значит, после этого без всяких предупреждений подсудимый, который нарушает порядок в судебном заседании и не подчиняется распоряжениям председательствующего, удаляется из зала судебного заседания. Это просто нужно уяснить, потому что это как дважды два. Ваша честь, я хочу сказать, что даже сегодняшний день, про который Платон Леонидович говорил о том, что я лгу, и так далее, ради Бога, это уже шаблоны, клише, к которым мы привыкли, и правильно Лахтин сказал, что мы давно бы уже выступили, мы могли бы с сотней таких ходатайств обратиться к Вам. Просто мы этого не делали. Но я хочу Вам сказать, даже сегодняшний день, когда я задавала вопросы свидетелю, а Лебедев себя вел некорректно: постоянно вставлял какие-то реплики, смеялся, высказывал. Сейчас попытался какую-то фальшивку вставить. Когда я спросила свидетеля, известны ли ему руководители определенной организации, он сказал, что не помнит. Тогда я сказала, что ему на следствии это говорили. Как себя повел Лебедев? Сказал, что «занесите в протокол, Ибрагимова опять лжет». Я заявила ходатайство, огласила эти показания, и, как Вы убедились, эти фамилии были, и свидетель свои показания подтвердил. Я привела Вам маленький пример, маленькую толику того, что у нас происходит ежедневно в судебном заседании. Масса замечаний в адрес Лебедева, два предупреждения, достаточно. Мы считаем, что он должен быть удален. Даже если Вы примете иное решение, я не знаю, как Вы поступите, Ваша честь, мы отнесемся с уважением к любому Вашему решению, но я твердо обещаю, что с сегодняшнего дня любой смешок, любая некорректность, высказанная как по отношению к моим коллегам или к Вам, я буду всегда заявлять ходатайства об удалении, пока этого не добьюсь.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.
 Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.
 Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.
 Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Суд, выслушав мнения участников процесса, отказывает в удовлетворении ходатайства и призывает стороны уважительно относиться друг к другу, в соответствии со ст. 9 УПК РФ.

Председательствующий: подсудимый Лебедев, обращаюсь к Вам. Впредь исключить такое же поведение, какое Вы допускали сегодня в отношении государственных обвинителей и суда. Поскольку своими высказываниями Вы проявляете неуважение к суду и нарушаете судебный порядок.

Судом ставится вопрос о возможности отложения судебного заседания.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Отложить судебное заседание на 27 августа 2010 года – 10 часов 00 минут.

Повторить вызов участников процесса.

Судебное заседание закрыто в 18 часов 00 минут.

Судья

Секретарь

В. Н. Данилкин

А.Ю. Астафьева